

цией. Но в чем именно должна заключаться эта санкция? В лишении содержания всех тех, кто откажется принести эту гражданскую присягу».

Но, продолжает далее Вернио, это лишение содержания отнюдь не должно быть единственной карательной санкцией в отношении неприсяжных священников. «Фанатизм является ничем иным, как заблуждением возбужденного и ограниченного ума. Это заблуждение может быть часто вполне доброедельным но, от этого оно не делается менее роковым и опасным для общества, ибо оно обладает свойством распространяться с быстрой пожара. Поэтому мы должны принять меры, которые бы совместили как интересы общества, так и ту жалость, которую следует питать ко всем добросовестно заблуждающимся. Но нет никакой другой меры, которая бы столь хорошо примиряла эти два важнейших интереса, как изгнание. При помощи изгнания вы обеспечите спокойствие общества и изгоните из его среды всех тех, кто нарушает его покой; при помощи изгнания вы вместе с тем избежите слишком жестоких мер в отношении тех, кого вы изгоните, ибо лишая их возможности пребывания в среде общества, которому они вредят, вы лишаете их только части их свободы и не подвергаете их наказанию, касающегося их личности или чего либо подобного. Таким образом изгнание является наказанием, лучше всех других примиряющим жалость в отношении фанатизма и отеческую заботливость в отношении спокойствия государства».

В полном соответствии с этими принципами, Вернио предлагал освободить от присяги тех священников, которые пожелают добровольно покинуть пределы Франции.—«Эта мера, мне кажется, вполне соответствует тому положению, в котором мы находимся. В самом деле, каково наше положение в отношении священников? Мы им говорим: вашим отказом принести присягу на подчинение нашим законам, вы доказываете, что являетесь врагами таковых. Природа, создавшая вас свободными, позволяет вам отправиться искать в других странах правительства, более согласного с вашими принципами. Что же, живите в другом месте; вы сохраните свою собственность в нашей стране, как только вы перестанете будоражить ее вашим влиянием и примером, в вашем сопротивлении. Мы будем рассматривать вас, как иностранцев, обладающих собственностью во Франции. Я вижу во всем этом политическую меру,ющую принести громадную пользу и являющуюся вместе с тем строго справедливой».

Итак, несмотря на несравненно большую мягкость тона, нежели у монпансьяров, жирондисты, подобно им, склонялись теперь к изгнанию неприсяжных священников. Что же касается до фельдмаршала, как по своей классовой сущности, так и по своим воззрениям, ярыми противниками всяких революционных мер, он не мог выступить в данном случае уступить и молчаливо поддакнуть лезгину сектору Собрания. Причиной такого поведения было желание революционного общественного мнения.

Самом деле—дебаты по вопросу о неприсяжных священниках вызывали у революционной общественности вполне понятный горячий интерес и вносившиеся в связи с этим предложения были, само собой разумеется, несравненно дальше того, о чём говорилось в Законодательном Собрании. Так, из всех выступавших

в якобинском клубе по данному вопросу ораторов, наиболее благоприятную для неприсяжных священников позицию занимал Шабо, по словам которого их следовало изгнать из Франции, равно как и остальных бунтовщиков. Сент-Андрэ утверждал, что с неприсяжными священниками следует обращаться, как с восставшими, а Лежандр предлагал попросту посадить их на корабль и утопить в море. И, наконец, Варле, будущий вождь «бешеных», рекомендовал обменять неприсяжных священников на пленных, захваченных варварами северной Африки и обращенных ими в рабство.

При таком настроении широких масс всякое дальнейшее промедление с изданием закона против неприсяжных священников грозило самыми серьезными революционными последствиями. Поэтому неудивительно, что фельяне казались вынужденными поддержать при голосовании левое крыло Легислативы и 27 мая 1792 г. Собрание приняло декрет, важнейшие пункты которого гласят:<sup>1)</sup>

«Национальное Собрание, принимая во внимание, что непрерывные усилия неприсяжных церковников низвергнуть конституцию не позволяют предполагать наличия у таковых желания присоединиться к общественному договору, и что продолжать далее рассматривать как членов общества людей, стремящихся лишь к его разрушению, значило бы лишь подвергать опасности общественное спасение;

«Принимая во внимание, что уголовные законы остаются бессильными против этих людей, которые, воздействуя на умы с целью ввести их в заблуждение, почти всегда скрывают свои преступные махинации от глаз тех, кто могли бы их предупредить и наказать;

«Признав вопрос спешным, декретирует нижеследующее:

«Ст. 1. Изгнание неприсяжных церковников будет производиться, как мера общественной безопасности и общей политики в нижеследующих случаях и нижеследующем порядке.

«Ст. 2. В качестве неприсяжных церковников будут рассматриваться все те, кто подлежал установленной законом 26 декабря<sup>2)</sup> 1790 г. присяге, таковой не принесли; те, кто, не будучи предусмотрены этим законом, не принесли гражданской присяги после 3 сентября, дня окончания рассмотрения французской конституции; наконец, те, кто, принеся ту или иную присягу, откалились затем от таковой.

«Ст. 3. В случае, если 20 активных граждан одного и того же кантона потребуют изгнания неприсяжного священника, дирекция департамента будет обязана предписать таковое, если мнение дирекции дистrikта будет совпадать с желанием граждан.

«Ст. 4. Если мнение дирекции дистrikта не будет совпадать с мнением граждан, дирекция департамента должна будет через посредство комиссаров пресверить, действительно ли присутствие указанного или указанных церковников вредит общественному спокойствию. В случае, если мнение комиссаров совпадет с мнением граждан, дирекция департамента должна будет предписать изгнание.

<sup>1)</sup> Мы выпускаем только статьи чисто технического характера.

<sup>2)</sup> Так как декрет 27 ноября 1790 г. был утвержден королем 26 декабря, то он носил двойное название декрета 27 ноября и закона 26 декабря.

«Ст. 5. В случае, если неприсяжный церковник своим поведением вызвал беспорядки, соответствующие факты могут быть сообщены директории департамента одним или несколькими активными гражданами. Если факты подтверждятся, директория департамента должна будет предписать изгнание...

«...Ст. 11. Если мнение директории дистрикта или комиссаров директории департамента совпадает с мнением граждан, подлежащим изгнанию церковникам директорией департамента будет предписываться покинуть пределы своего местожительства и своего дистрикта в 24 часа, пределы департамента—в течение трех дней и пределы королевства—в течение месяца. Сроки эти будут исчисляться с момента их извещения прокурором-синдиком дистрикта, произведенного по требованию генерального прокурора синтика департамента...

«...Ст. 13. Немедленно по получении извещения, соответствующий церковник должен будет указать муниципалитету своего места жительства или директории дистрикта, в какое именно иностранное государство он намерен отправиться. Муниципалитет или директория дистрикта тут же выдадут ему паспорт с указанием его имени и фамилии, его декларации, пути, по которому он отправится и срока, в течение которого он должен покинуть королевство.

Ст. 14. В случае, если церковник не подчинится предписанию, прокурор-синдик дистрикта обратится к национальной жандармерии для доставления его по этапу по направлению к ближайшей границе. Соответствующие расходы будутдержаны из его пенсии или его доходов.

«Ст. 15. Если подлежащий изгнанию церковник не будет обладать ни пенсией, ни доходами, ему будет выдаваться на его содержание во время пути по три ливра на каждые десять лье расстояния. Соответствующие расходы будут авансироваться дистриктом, в пределах коего проживал данный церковник, и уплачиваются государственной казной.

«Ст. 16. Те из подвергнутых изгнанию церковников, которые, заявив о своем отъезде, останутся в пределах королевства или возвратятся в таковое, будут приговорены к десятилетнему тюремному заключению.

«Ст. 17. Директории департаментов будут ежемесячно отправлять исполнительной власти списки изгнанных церковников. Исполнительная власть будет докладывать эти списки Национальному Собранию.

«Ст. 18. Издавая настоящий декрет, Национальное Собрание не имеет в виду освободить от предусмотренных уголовным кодексом наказаний тех неприсяжных священников, которые заслужили или еще заслужат их впоследствии своими действиями.

«Ст. 19. Настоящий декрет будет представлен на утверждение короля в течение дня»<sup>1)</sup>.

Людовик XVI, не санкционировавший сравнительно мягкий декрет 29 ноября 1791 года, был тем менее склонен санкционировать несравненно более жестокий декрет 27 мая 1792 года, да к тому же и Пий VI в выпущенном им 19 мая бреве<sup>2)</sup> грозил отлуч-

ить от церкви всякого, кто признает гражданское устройство духовенства. Дальнейший ход событий известен: промедление Людовика XVI с санкционированием декрета 27 мая, равно как и принятого вскоре после него декрета о создании под Парижем лагеря 20 тысяч добровольцев, вызвало отставку жирондистского министерства, а официальное сообщение 19 июня новым фельянским министерством Законодательному Собранию о вето, наложенным королем на декрет 27 мая сыграло немаловажную роль в подготовке знаменитой манифестации 20 июня.

Манифестация 20 июня вызвала, как известно, крутой поворот направо значительной части французской крупной буржуазии, следствием чего явилась наступившая после этого сильнейшая реакция. Само собой разумеется, что при этих условиях не могло быть и речи о планомерной борьбе с неприсяжным духовенством и если отдельные департаменты за свой собственный страх и риск пытались делать кое что в этом направлении, то меры эти оставались совершенно изолированными. Лишь свергнувшая монархию революция 10 августа 1792 г. не только возобновила эту борьбу, но и придала ей неслыханное до тех пор силу и размах.

## VI.

Уже в самый день 10 августа Законодательное Собрание декретировало, что все принятые им, но не санкционированные королем декреты получают теперь силу закона и немедленно вступают в действие. Тем самым получили силу закона и декреты 29 ноября 1791 года и 27 мая 1792 года, но декреты эти, недостаточные уже в момент их издания, теперь, когда внешний враг непосредственно угрожал Парижу и вся Франция представляла собой буквально бурлящий котел, были несомненно вдвое сильнее.

Причины неудовлетворительности декретов 29 ноября 1791 г. и 27 мая 1792 г. при той обстановке, когда декреты эти получили силу закона, были довольно многообразны. Начиная хотя бы с того, что декрет 27 мая рассматривал в качестве неприсяжных две категории церковников: 1) тех церковников—должностных лиц, которые не присягли согласно декрета 27 ноября 1790 г., т.-е. присяги на верность гражданскому устройству духовенства и 2) тех церковников—не должностных лиц, которые не присягли простой гражданской присяги. Как известно, церковники—не должностные лица получали пенсию, а между тем Законодательное Собрание приняло 14 августа 1792 года декрет, который гласил, что «всякий французский гражданин, получающий от государства жалование или пенсию будет считаться навсегда отказавшимся от таковых, если он не докажет, что в течение пятнадцати дней со дня издания настоящего декрета, он принес перед муниципалитетом своего места жительства следующую присягу: клянусь быть верным нации и поддерживать свободу и равенство, или умереть защищая их»<sup>1)</sup>. Тем самым текст обязательной для церковников не должностных лиц гражданской присяги оказался уп-

<sup>1)</sup> А. Р., т. XLIV, стр. 168—169.

<sup>2)</sup> Де-ла-Горс. т. II, стр. 161.

<sup>1)</sup> Там-же, т. XLVII, стр. 122.

рощенным даже по сравнению с тем, которого требовали от них декреты 29 ноября 1791 года и 27 мая 1792 года. А так как текст этот, ни одним словом не упоминая ни о конституции 1791 г., ни о церковных законах Учредительного и Законодательного Собраний, не содержал тем самым ничего, что бы церковники могли счастье для себя неприемлемым, то отсюда следовало, что все церковники—не должностные лица могли с легким сердцем привести эту присягу и таким образом выполнить формальность, требовавшуюся от них декретом 27 мая. А это означало бы, что громадная часть неприсяжного духовенства освободилась бы от направлений против него репрессий.

Но полная неудовлетворительность декрета 27 мая при тех условиях, которые создались после революции 10 августа, заключалась не только в этом. Декрет 27 мая допускал изгнание неприсяжных церковников лишь по **собственноручно подписанному заявлению 20 активных граждан**, согласованному с дирекцией дистрикта. Не говоря уже о медленности этой процедуры и нелеподданам в то время, как Законодательное Собрание вступило на путь уравнения «активных» и «ассивных» граждан, каким образом можно было в какой нибудь глухой деревушке Вандеи или Мэн-и-Луары найти 20 человек, могущих не только составить, но и подписать соответствующее заявление? Таким образом при новых условиях декрет 27 мая оказывался во всех отношениях неудовлетворительным и Законодательное Собрание, если оно только действительно хотело бороться с контр-революционным духовенством, должно было неизбежно еще раз вернуться к этому вопросу.

В заседании Легислативы 19 августа монтаньяр Лекинио, ссылаясь на то, что многие департаменты по собственной инициативе начали изгонять неприсяжных священников, предложил разрешить всем склонным к этому департаментам последовать их примеру. С возражением против этого предложения выступил Кутон. «Мы все,—говорил он,—стремимся к единству законодательства на всем протяжении государства, и поэтому законодательный корпус не может приветствовать частичные мероприятия, принимаемые одни только патриотическими департаментами. Я предлагаю, чтобы изгнание неприсяжных священников было осуществлено во всех департаментах».

Законодательное Собрание согласилось с Кутоном и принял его предложение в принципе, поручило своей чрезвычайной комиссии двенадцати представить на рассмотрение Собрания особый доклад по этому вопросу. Но еще до того, как доклад этот был представлен, Собрание в своем заседании 23 августа по предложению монтаньяра Делакруа и жирондиста Анри Ларивье-ра постановило немедленно заняться вопросом о неприсяжных священниках. Вместо отсутствующего докладчика комиссии двенадцати, случайно оказавшийся в зале член этой комиссии Бенуастон предложил Собранию принять следующий текст ст. I нового декрета:

«Все церковники, которые, подлежа установленной законом 26 декабря 1790 г. присяге, таковой не принесли, или принеся, от нее затем отказались и упорствовали в своем отречении, обязаны в течение 24 часов удалиться из пределов дистрикта своего места

жительства, в течение трех дней—из пределов департамента и в течение двух недель—из пределов королевства. Сроки эти исчисляются с момента опубликования настоящего декрета».

Предложение Бенуастона встретило возражения как справа, так и слева. Справа против него выступил депутат Клай, квалифицировавший проект как «несправедливый и варварский». «Прошло всего лишь 14 дней—воскликнул Клай,—с тех пор, как мы декретировали присягу о свободе и равенстве, а теперь вы хотите столь строго наказать бесчисленное количество людей, которые, отказавшись от присяги, сделали лишь то, что было разрешено им законом. Вы наказываете людей, виновных лишь в высказывании своих убеждений, точно преступников против нации. Предоставьте муниципалитетам возможность отличать возмутителей от тех, кто им не в чем будет упрекнуть, и пусть те, кто заслужили своим плохим поведением изгнания, получат возможность отправиться, куда они захотят. Поэтому я предлагаю, чтобы вы, в соответствии с законами справедливости и гуманности, наказывали лишь тех, кто нарушил общественный порядок; но, я повторяю, не унижайте Собрание столь спешно принятым страшным законом».

Что касается до возражений слева, то таковые были сделаны монтаньяром Камбоном, заявившим, что «у нас есть принадлежащая Франции страна, которая нуждается в рабочих руках. Я предлагаю выделить несколько кораблей, которые бы отвезли этих священников во французскую Гвиану. В противном случае они вступят в армию эмигрантов или отправятся в Испанию, Италию и Германию пропагандировать принципы, противные нашей свободе».

Предложение Камбона, поддержанное также Делакруа, встретило, однако, решительные возражения со стороны жирондистов. Как известно, революция 10 августа до крайности усилила противоречия между обоями флангами прежнего левого сектора Легислативы, и то явная, то скрытая борьба между Собранием и революционной Парижской Коммуной 10 августа привела к тому, что фактически жирондисты и монтаньяры стояли в это время уже по разные стороны баррикад. Неудивительно, что их разногласия сказались и в прениях по вопросу о неприсяжных священниках.

Первым против предложения Кутонз и Делакруа высказался жирондист Ласурс. «Я утверждаю,—заявил он,—что если вы имеете право изгнать из пределов Франции всех нарушающих ее спокойствие людей, то с того момента, когда вы лишили их всех выгод общественного договора, вы уже не можете сказать им: вы отправитесь туда то и туда то. Выйдя из общества, они оказываются предоставленными самим себе и раз они уже не являются французскими гражданами, они не могут быть подчинены французским законам. Поэтому они могут отправиться, куда захотят. Если их не станут терпеть в Европе, они могут покинуть ее,—это уже их дело, но было бы нечеловечным лишать их там убежища, если им таковое предоставится».

Точка зрения Ласурса была поддержана жирондистами Фоше и Вернио. «Национальное Собрание,—говорил этот последний,—должно, конечно, принять все меры, диктуемые общественным спасением, но оно должно при этом оставаться достойным

самого себя. Оно должно пользоваться для сохранения свободы всеми мерами, подсказываемыми его властью и его мудростью, но оно не может бесчестить представляемый им французский народ актами, осуждаемыми гуманностью».

Как известно, монтаньяры составляли в Законодательном Собрании лишь незначительное меньшинство и поэтому неудивительно, что ст. 1 декрета о неприсяжных священниках была принята в редакции, близкой предложенной Бенуастаном, но с тем отличием, что отправка в Гиану была принята в качестве кары для тех священников, которые откажутся удалиться из Франции добровольно. Что же касается до остальных статей проекта, то они прошли почти без прений и 26 августа Собрание приняло нижеследующий декрет:

«Национальное Собрание, принимая во внимание, что возбужденные в королевстве неприсяжными церковниками волнения являются одной из важнейших причин переживаемых отечеством опасностей;

«Что в минуту, когда все французы нуждаются в единении и в напряжении всех сил для изгнания внешних врагов, Собрание обязано принять все меры, могущие установить и гарантировать порядок внутри страны,—

«Признает вопрос спешным и декретирует нижеследующее:

«Ст. 1. Все церковники, которые, подлежа присяге, установленной законами 26 декабря 1790 г. и 17 апреля 1791 г.<sup>1)</sup>, таковой не принесли, или, принеся, от нее затем отреклись и упорствовали в своем отречении, обязаны в течение восьми дней удалиться из дистрикта и департамента своего места жительства и в течение 15 дней—из пределов королевства. Сроки эти исчисляются со дня опубликования настоящего декрета.

«Ст. 2. В силу этого, каждый из указанных церковников явится в директорию дистрикта или в муниципалитет своего места жительства и сообщит, в какое именно иностранное государство он намерен отправиться...<sup>2)</sup>

«Ст. 5. Всякий церковник, который останется в королевстве после того, как сделает декларацию о своем от'езде и получит паспорт, а равно и всякий, кто покинув королевство, возвратится затем в таковое, будет приговорен к десятилетнему заключению.

«Ст. 6. Все остальные неприсяжные церковники, как белые, так и черные, кто бы они не были без различия, хотя и неподле 1791 г., будут подвергнуты всем вышеуказанным мерам, если они посредством своих видимых действий вызвали беспорядки, дождшие до сведения административных учреждений, или если их удаление будет потребовано хотя бы шестью гражданами, проживающими в том же департаменте.

«Ст. 7. Директории дистриктов будут обязаны вручить церковникам обоих указанных в предыдущей статье категорий заверенные ими копии настоящего декрета, а равно предписать им подчиниться таковому и последовать всем его распоряжениям.

См. Словарь

<sup>1)</sup> Закон 17 апреля 1791 г. предусматривал присягу церковников, служащих в больницах, учреждениях народного образования и т. д.

«Ст. 8. От указанных выше мероприятий будут освобождены больные, болезнь которых будет установлена медицинскими чиновниками, специально назначенными генеральными советами коммун мест их жительства. Соответствующие удостоверения должны быть визированы теми же генеральными советами. Равным образом будут освобождены лица, достигшие 60 лет, возраст которых будет констатирован в установленном порядке.

«Ст. 9. Все предусмотренные предыдущей статьей церковники каждого департамента будут интернированы в главном городе департамента в общем доме, надзор за каковым будет принадлежать муниципалитетам.

«Ст. 10. Национальное Собрание, издавая настоящий декрет, не имеет в виду освободить от предусмотренных уголовным кодексом наказаний тех неприсяжных церковников, которые заслужили их или заслужат их впоследствии своими деяниями.

«Ст. 11. Директории дистриктов будут регулярно информировать директории департаментов о всех своих действиях, направленных к исполнению настоящего декрета. Директории департаментов будут следить за неуклонным исполнением этого декрета на всей подведомственной им территории и будут информировать об этом Временный Исполнительный Совет.

«Ст. 12. Кроме того, директории дистриктов будут каждые 15 дней сообщать министерству внутренних дел через посредство департаментов, именные списки церковников их территории, выехавших или высланных из королевства. Министр внутренних дел будет немедленно сообщать эти списки Национальному Собранию»<sup>3)</sup>.

Таков был декрет 26 августа 1792 года, наконец, разрешивший не только вопрос о неприсяжных священниках, но и о самой неприсяжной церкви, как таковой. Значение этого декрета было огромно, ибо, как правильно отмечает Матье, «во Франции после 26 августа 1792 года оставалась одна только явная католическая церковь, а именно церковь конституционная»<sup>4)</sup>. Как же был применен этот декрет на практике и каковы были результаты его применения?

Обращаясь к этому вопросу, следует прежде всего отметить, что там, где органы муниципальной администрации были в руках левых, они еще до издания Законодательным Собранием декрета 26 августа по своей собственной инициативе приняли меры, необходимые, по их мнению, для предотвращения дальнейшей контрреволюционной деятельности духовенства. Так, например, революционная Парижская Коммуна не только арестовала отдельных наиболее активных неприсяжных священников<sup>5)</sup>, но сверх того уже в своем заседании 11 августа по ходатайству секции Люксембурга постановила заключить в тюрьму Сен-Лазар всех неприсяжных священников этой секции. Аналогичные явления происходили и в провинции, и в Марсе, например, местная администрация еще до получения известия о декрете 26 августа предписала изгнание 145 местных священников.

<sup>1)</sup> A. P., т. XLIX, стр. 8—9.

<sup>2)</sup> A. Mathiez, «Les conséquences religieuses de la journée du 10 août 1792: la déportation des prêtres et la sécularisation de l'état civil», стр. 9

<sup>3)</sup> См. протоколы заседаний 15 и 17 августа и др. „Procès verbaux de la Commune de Paris”, в издании Тонгриен, стр. 26, 35.

Но подобные меры были все же исключением и планомерная высылка неприсяжных священников началась только после опубликования декрета 26 августа. Само собой разумеется, что при применении этого декрета играли огромную роль политические тенденции местных властей. В то время, как, например, директории департаментов Ардеш и Кот-дю-Нор стремились обойти некоторые предписания декрета 26 августа и всячески пытались облегчить положение неприсяжных священников, Парижская Коммуна действовала в прямо противоположном направлении. Хотя установленный декретом 26 августа для их добровольного удаления срок истекал только 4 сентября, все захваченные в Париже во время повальных обысков 29—31 августа неприсяжные священники были заключены в тюрьмы, где большинство их погибло во время сентябрьских убийств.

Каковы же были результаты применения декрета 26 августа? Что касается церковников должностных лиц, подлежащих безусловному изгнанию, то недостаточность сохранившихся источников не дает возможности установить, какой части их удалось обойти предписания декрета 26 августа и остаться во Франции, будь-то при содействии администрации и населения, будь то каким-нибудь другим способом. Во всяком случае Альбер Матье, тщательно изучивший все сохранившиеся по этому вопросу архивные документы, приходит к выводу, что «нет никакого сомнения в том, что некоторому количеству неприсяжных священников—бывших должностных лиц, удалось избежать изгнания, либо при содействии властей, либо уклоняясь от домашних обысков». Поэтому неудивительно, что Национальному Конвенту пришлось издать 18 марта 1793 года декрет, в силу которого все обнаруженные спустя неделю после издания этого декрета на французской территории подлежащие изгнанию священники подлежали военному суду и смертной казни в течение 24 часов<sup>1</sup>). Но и эта решительная мера не дала абсолютных результатов и нет никакого сомнения в том, что даже в эпоху террора некоторому числу священников этой категории удалось скрываться и продолжать подпольное совершение обрядов своего культа.

Что касается до неприсяжных священников должностных лиц, то они, согласно декрету 26 августа, подлежали изгнанию только в случае поступления на них доноса со стороны шести граждан. Кроме того, те из них, которые отказывались принести предусмотренную декретом 14 августа 1792 года гражданскую присягу, лишались своей пенсии, но в остальном отказ от этой присяги не оказывал никакого влияния на их юридическое положение. При таких условиях неудивительно, что значительному числу священников этой категории удалось не только остаться во Франции, но и почти открыто совершать обряды своего культа. Во многих местах администрация не стеснялась открыто поддерживать неприсяжных церковников; так конституционный епископ Лафон де Савин, бывший вместе с тем председателем администрации департамента Ардеш, пересыпая директориям дистриктов декрет 26 августа, писал:

«Я с живейшим интересом обращаю ваше внимание на духовенство этой епархии и прошу вас проявить в отношении его всю

ващую справедливость, жалость и гуманность»<sup>2</sup>). Такую же картины видим мы в Аveyronе, Крезе, Па-де-Кале и других местах. А в пограничных областях Франш-Конте и Эльзасе значительное количество неприсяжных священников поселились по ту сторону границы у самой пограничной черты и ежедневно переходили границу, чтобы совершать церковную службу!

При таком положении вещей было более, чем естественным, что Национальному Конвенту не осталось ничего другого, как соответствующим образом изменить ту часть декрета 26 августа 1792 года, в которой говорилось о церковниках—недолжностных лицах. В заседании Конвента 23 марта 1793 года на трибуну поднялся монтаньяр Луше и заявил:

«Граждане, на территории республики находится значительное число священников, не принесших присяги на верность свободе и равенству<sup>3</sup>) и фанатизирующих граждан против законов Я говорю о бывших аббатах, приорах, канониках, монахах, капелланах и прочих владельцах бенефиций, содержание которых было уничтожено декретом и которые в силу этого еще больше вознавидели революцию. Они повсеместно интригуют и с гнусной энергией содействуют свободоубийственным планам эмигрантов, изгнанных из Франции священников и обединившихся для нашей погибели тиранов. Я предлагаю применить против них изгнание, а если они возвратятся—смертную казнь»<sup>4</sup>.

Предложение Луше встретило сочувствие и в том же заседании Конвента были внесены некоторые конкретные проекты в этом духе, переданные затем на рассмотрение законодательного комитета. Доклад этого комитета был сделан Шарлье 21 апреля и в заседаниях 21-го и 23-го апреля Конвент принял следующий декрет: «Национальный Конвент, заслушав доклад своего законодательного комитета, декретирует нижеследующее:

«Ст. 1. Национальный Конвент декретирует, что все лица духовного звания, принадлежащие к белому или черному духовенству, к монашеским братствам, послушникам или мирянам, которые не принесли присяги свободе и равенству согласно закону 14 августа 1792 года, будут немедленно посажены на суда и отправлены во Французскую Гвиану.

«Ст. 2. Той же каре будут подвергнуты те, об антигражданственности которых будут сделаны доносы шестью гражданами кантона. Эти доносы будут рассматриваться директориями департаментов и будут согласовываться с директориями дистриктов.

«Ст. 3. Присяга, принесенная после 23 марта с. г. будет считаться недействительной.

«Ст. 4. Старики свыше 60 лет, калеки и немощные, должны быть в течение недельного срока заключены в специальные помещения в главных городах департаментов.

«Ст. 5. Те из высланных на основании ст. ст. 1 и 2 настоящего декрета, которые вернутся на территорию республики, будут подлежать смертной казни в течение 24 часов.

«Ст. 6. Епископы, священники и викарии, выбранные народом или оставшиеся на своих местах благодаря принесению тре-

<sup>1)</sup> Де-ла-Горс.—т. II, стр. 322.

<sup>2)</sup> То-есть, согласно декрета 14 августа 1792 г.

<sup>3)</sup> А. Р., т. LX, стр. 487.

бумой законом присяги; проповедники, духовные лица, занимающие какие либо административные должности, полковые и батальонные священники, находящиеся при армиях или лагерях, не подлежат действию настоящего декрета<sup>1)</sup>.

Хотя декрет 23 апреля 1793 года и шел значительно дальше декрета 26 августа 1792 года в том отношении, что предписывал изгнание **всех** не присягнувших на основе закона 14 августа 1792 года неприсяжных священников—недолжностных лиц, а не из священников недолжностных лиц, которые не присягнули на основе декрета 27 ноября 1790 года, но присягнули до 23 марта 1793 года на верность «свободе и равенству», могли остаться во Франции, лишь бы только на них не поступило доноса. Само собой разумеется, что эта лазейка открывала широкую дорогу многим неприсяжным церковникам и чрезвычайно любопытно, что ею воспользовались не только рядовые священники, но и целый ряд бывших епископов<sup>2)</sup>. «Из этого видно,—говорит Матье,— что невзирая на строгие законы, вотоворованные Легислативой и Конвентом, некоторой, хотя и довольно незначительной, части римско-католического духовенства удалось избегнуть изгнания и продолжать отправление своего культа, хотя и в подпольи». Таким образом, даже весной 1793 года неприсяжная церковь не была окончательно ликвидирована и само собой понятно, что ее остатки, хотя и немногочисленные количественно, не могли не явиться однако одним из главных, а вернее даже и главным, ферментом того контр-революционного движения, которое, существуя в latentном состоянии повсеместно, всыхнуло в марте 1793 года ярким пламенем на западе Франции, в так называемой Вандее. К истории вандейской контр-революции мы сейчас и обратимся... .

## VII.

18 марта 1793 года Национальный Конвент получил известие о контр-революционных беспорядках, возникших 11 и 12-го марта в департаментах Вандеи, Двух Севров, Нижней Луары и Мэн-и-Луар, более известных в просторечии под общим наименованием области Вандеи<sup>3)</sup>. Уже через несколько дней после этого выяснилось, что эти беспорядки принимают несравненно более грозный оборот, нежели те, с которыми революции приходилось до тех пор сталкиваться, а еще через некоторое время стало очевидным, что дело идет ни о чем ином, как о подлинной гражданской войне. Так началась знаменитая вандейская контр-революция; каковы же были ее причины и каковы была роль сыгранная в ней контр-революционным католическим духовенством?

В предыдущих главах настоящей работы нам уже приходилось довольно много говорить как о самой Вандее, так и о контр-революционных махинациях местного неприсяжного духовенства в 1790—1791 г.г. Уже в докладе, сделанном 9 октября 1791 г. За-

конодательному Собранию вернувшимся из Вандеи комиссарами Галлуа и Жансонне константировалось, что местные органы власти оказываются вынужденными применять против неприсяжных священников довольно далеко идущие меры. Вполне понятно, что с развитием контр-революционной деятельности церковников репрессии против них могли только усиливаться. Так, например, зимой 1791—1792 г.г. директории департаментов Нижней Луары и Мэн-и-Луары решили, не взирая на королевское вето, применить на своей территории декрет 29 ноября 1791 г., а в марте 1792 года директория департамента Вандеи интернировала в главном городе 33 неприсяжных церковника и предписала удаление из пределов департамента всех не имеющих в нем постоянного места жительства. В июне 1792 года директории департаментов Нижней Луары, Мэн-и-Луары и Вандеи постановили интернировать в своих главных городах всех без исключения проживающих в пределах этих департаментов неприсяжных церковников; 25 июля по их пути последовал департамент Двух Севров. При этом отдельные дистрикты шли еще дальше; примером может служить дистрикт Машекуль, постановивший 2 июля 1792 года приравнять неприсяжных священников к эмигрантам.

К сожалению, постановления эти на практике исполнялись далеко не всегда. Не говоря уже о том, что многие умеренно настроенные муниципалитеты совершенно сознательно саботировали предписавшиеся им выше революционные меры, во многих местах даже левые органы власти оказывались не в состоянии исполнить приказаний своего начальства. Мы уже видели выше те значительные трудности, которые возникали в Вандее в связи с необходимостью замещения должностей неприсяжных церковников и к лету 1792 года трудности эти еще отнюдь не были ликвидированы. В силу этого, например, в дистрикте Машекуль, состоявшем из 23 приходов, насчитывалось в это время только 11 присяжных священников; в дистрикте Клисон их было 15 на 25 мест; та же картина наблюдалась и во многих других местностях. При таком положении вещей, исполнение репрессивных законов против неприсяжного духовенства было бы равносильно полному прекращению отправления культа в целом ряде приходов, а так как при создавшемся в Вандее положении вещей такое прекращение могло послужить поводом крайне серьезных беспорядков, вполне понятно, что местные власти предпочитали саботировать закон, нежели брать на себя столь тяжелую ответственность.

Однако, такая политика властей могла только ухудшить положение, ибо оставшиеся на своих местах неприсяжные церковники горели жаждой мщения и ждали только удобного случая, чтобы призвать послушное им население к открытому восстанию. Первый случай такого восстания произошел в шатильонском дистрикте департамента Двух Севров в двадцатых числах августа 1792 года. Воспользовавшись неудовольствием вызванным среди местного населения декретированным 8 июля Законодательным Собранием набором добровольцев, неприсяжные священники этого дистрикта дали 19 августа (это было воскресение и, кроме того, первый день набора) сигнал к восстанию, об'единившему в своих рядах до 6000 человек и начавшемуся с коммуны Монкутан. В следующие дни восставшим удалось захватить центр дистрикта — город Шатильон и некоторые соседние деревушки, причем чрез-

<sup>1)</sup> Там-же, стр. 146—147.

<sup>2)</sup> Mathiez, „Les conséquences“, стр. 7—8.

<sup>3)</sup> А. Р., т. LX, стр. 264—265, 270.

вычайно характерно, что наряду с общественными зданиями и домами «патриотов», бунтовщики в первую очередь громили и поджигали дома присяжных священников и обслуживающие ими церкви.

Но торжество восставших продолжалось недолго и уже 24 августа подоспевшая со всех сторон национальная гвардия расправилась с бунтовщиками, причем на поле сражения осталось несколько десятков человек. «Среди убитых», — рассказывали выступавшие 30 августа в Законодательном Собрании представители шатильонской национальной гвардии, — «удалось обнаружить несколько неприсяжных священников, имевших при себе различные церковные принадлежности». А генеральный прокурор синдик департамента Двух Севров в своем донесении Рола-происшедшего являются неприсяжные священники. Пленные рассказывают, что до начала восстания оружие бунтовщиков было окроплено святой водой. На многих убитых найдены молитвенники и четки. Наиболее глупые из бунтовщиков были твердо убеждены, что все эти предосторожности избавят их от всякой опасности<sup>1)</sup>.

Но несмотря на всю свою показательность, шатильонское восстание было все же не более, чем первой ласточкой. Декретированный Законодательным Собранием набор добровольцев был слишком незначительным поводом, чтобы на нем можно было построить широкое массовое движение и это повидимому поняли и сами неприсяжные священники, ибо вне пределов шатильонского дистрикта восстание это откликов не получило. Именно поэтому его и удалось столь легко подавить. Для более широкого движения приходилось ждать более подходящего повода и поводом этим послужил декретированный Национальным Конвентом 24 февраля 1793 г. первый принудительный набор на военную службу. Первым днем этого набора в Вандее было назначено 10 марта, а уже на следующий день в Машекуле вспыхнули беспорядки, оказавшиеся лишь началом многолетних вандейских войн.

Нам уже приходилось отмечать, что вандейское крестьянство, чрезвычайно нервно реагируя на неизбежно связанные с революцией тягости, вместе с тем, очень низко оценивало ее положительные стороны. Эта характернейшая черта вандейских настроений была достаточно четко отмечена уже современниками; так например, прокурор-синдик дистрикта Сабль д'Олон в своем письме администраторам департамента Вандеи от 24 января 1793 г. следующим образом характеризовал местных крестьян:

«Что касается нравственности, то я думаю, что больший страх тех людей, которых аристократия по своей глупой гордыне заставила крестьянинов, совершенно испорчено фанатизмом внутренних врагов. Я видел неоднократно примеры такого страха клятвопреступления не является уздой для простых и обманутых людей; равным образом о примерах их несправедливости и жестокости. К тому людям находятся в состоянии постоянной встревожен-

<sup>1)</sup> Дес-Горс, — II, стр. 399.

ности и нерешительности и многие из них без всякого сомнения не решатся ни на что иное, как стать на сторону сильнейшего.

«Что же касается политики, то эти люди также неспособны ни рассуждать о ней, ни понять, что либо из нее. Для них революция — это ряд несправедливостей, на которые они жалуются неизвестно почему. Они жалеют своих прежних привилегированных господ, хотя эти надменные люди подавляли их своей спесью и тиранией; они жалеют высланных священников, хотя эти лицемеры обманывали их и крали их деньги. Они думают, что религия погибла из-за присяги, которая имела целью лишь обеспечить исполнение гражданского закона; они ненавидят верных закону священников, так как те, будучи менее скрытыми или менее хитрыми, чем неприсяжные, говорят языком свободы и самой природы. Они опасаются установленных властей и не доверяют им, те установлены только во имя их блага...

«...Я кончу, граждане, следующим наблюдением, вызванным текущими событиями. Со времени начала суда над Людовиком Капетом, деревенское население ропщет все громче. Ему сообщили о создании новых батальонов. Вчера вечером известие о приговоре над Людовиком Капетом было принято очень плохо. В клубе Друзей Свободы некоторые осмелились ругать разбойниками и негодяями законодателей, приговаривших Людовика к смертной казни. Сегодня утром на всех лицах мрачное и унылое выражение<sup>1)</sup>.

При таком настроении вандейского крестьянства не удивительно, что известие о наборе рекрутов, означавшее требование новой и тяжелой жертвы в пользу революции, явилось вполне естественным сигналом к давно уже ставшей неизбежной вспышке. 11 марта восстание вспыхнуло в Машекуле, 12-го в Сен-Флоране, а в следующие дни огонь распространился на ряд других местностей. Вандейская контр-революция началась.

Отнюдь не намереваясь давать здесь выходящую за пределы нашего исследования общую историю вандейского контр-революционного движения, мы для ясности дальнейшего изложения приведем лишь блестящую характеристику этого движения, содержащуюся в донесении Комитету Общественного Спасения, посыпанном 24 апреля 1793 года конвентскими комиссарами в департаментах Мэн-и-Луары и Сарты Шудье и Ришаром. Вот что говорилось, между прочим, в этом донесении:

«Вы запрашиваете нас о подробностях относительно смут, волнующих эту часть Республики, о причинах этих смут, об их распространенности и об их последствиях. Мы вам готовы сообщить, что мы знаем более достоверного на этот счет.

«Невежество и фанатизм господствовали в областях, охваченных в настоящий момент восстанием, когда революция призвала граждан к свободе. Революция здесь мало почувствовалась, свободы оказалось лишь незначительное число друзей. Цепи злого и поповского деспотизма были разбиты по всейции; только тут не спешили их разбивать и ни на один мон

<sup>1)</sup> Jaurès, «Histoire socialiste de la Révolution Française», édition Mathiez, t. VII, стр. 170—171. Пользуемся частично переводом, помещенным на стр. 645—647 хрестоматии под редакцией Н. М. Лукина «Революционное правительство в эпоху Конвента».

мент не теряли надежды на их восстановление. В этом несчастном краю патриотизм уже три года как находится в войне с ненавистью к свободе и не всегда был победоносным. Уже три года, как эта **несчастная страна** повседневно орошается кровью ее обитателей.

«Более удобной местности для контр-революционного заговора нельзя было и выбрать; она отличается величайшим плодородием и охватывает часть наших берегов; настроение ее сбитых с толку жителей, их число, их богатство, все обещало, казалось, голый успех. Нужен был лишь предлог, и его доставил рекрутский набор. Все приготовления были сделаны с давних пор; в один момент поднялось более 100 000 человек; они захватили административные учреждения и сожгли все реестры документов, налоговые списки, все бумаги и все сведения, необходимые для управления. Они перерезали по одиночке захваченных врасплох патриотов и разгромили их имущество; их движение было стремительное, и мы не боимся сказать, что, может быть, это было бы концом Республики, если бы комиссары Конвента не прибыли в те различные пункты, которые захватили или готовились захватить мятежники. Присутствие комиссаров вернуло уверенность и энергию ошеломленным патриотам, и все вместе принялись за операции, необходимые для того, чтобы рассеять этот грозный ураган.

«Мы не будем входить здесь в детали различных экспедиций против этих бандитов. Вы уже об этом осведомлены, и мы шаг за шагом будем ставить вас в известность насчет этого, а здесь мы просто предлагаем вам познакомиться с природой зла и его размерами.

«Много эмигрантов из бывших дворян и **священников** стоит во главе этих скопищ и направляет все их движения; они по большей части вооружены и, повидимому, снабжены большим количеством военных припасов и продовольствия. Они окапываются, они выступают в бой по заранее обдуманному плану; в общем они сражаются довольно хорошо, и некоторые среди них обнаруживают отчаянную неустрашимость, которую может дать только фанатизм.

«Вы не сможете поверить, до какой степени сбиты с толку эти бедные люди, и как велико их доверие к руководящим ими злодеям. Никогда суеверие не заходило так далеко.

«Объединяющими их символами являются белые знамена и белые кокарды; все носят наплечники и четки; король и их попы — вот их лозунг»<sup>1)</sup>.

Уже подчеркнутые нами места свидетельствуют о том, какую громадную роль играло контр-революционное духовенство в создании и руководстве вандейской «католической и королевской армии». И действительно, на признании этой роли сходятся показания всех современников и притом, что особенно важно, современников из обоих лагерей. Так, наряду с цитированным донесением Шудье и Ришара, об этом же говорят в своем донесении Конвенту от 19 марта комиссары в департаментах Двух Севров и Вандеи — Карра и Оги. «По имеющимся уже у

**нас** сведениям, — пишут они уже в первые дни восстания, — как кажется, главными вождями бандитов являются эмигранты, их слуги и фанатики - попы. Слуги и арендаторы эмигрантов вместе с фанатичными попами — вот кто подготовил эти восстания или своими речами, или же при помощи печатных циркуляров; есть вероятие, что это давно уже задуманный проект, который осуществили во всей полноте с целью помешать воспоминанию набору»<sup>1)</sup>. А с другой стороны, маркиза Ларошакелен, жена одного из видных деятелей вандейской контр-революции, в своих мемуарах с умилением повествует об удивительной религиозности вандейцев, доходившей до того, что по три раза в день собирались для совместной молитвы!

Особенно велика была роль контр-революционного духовенства в первые дни восстания, т.-е. тогда, когда дворяне еще не успели стать в его ряды, в силу чего все движение носило ярко выраженный крестьянский характер. На этом этапе вандейской контр-революции все руководство движением было едва ли не полностью сосредоточено в руках неприсяжных церковников.

Чрезвычайно любопытные указания по этому поводу находим мы в мемуарах члена генерального совета департамента Вандеи — Мерсье дю Роше, являющихся одним из важнейших источников по истории вандейской контр-революции. Вот что рассказывает об этом дю Роше: «Достаточно сопоставить даты сражений, чтобы убедиться, что у восставших был заранее обдуманный план... Патриоты подверглись нападению во всех пунктах одновременно.

«Восставшие отбирали оружие, воинские припасы, завладевали пушками, расставленными по морскому побережью, а также большим количеством пороха и ядер, которые были оставлены в их распоряжении генерал-лейтенантом Вертелью. По всем коммунам ударили в набат. Неприсяжные священники вышли из своих убежищ, лакеи дворян и эмигрантов с четками в руках взапуски бегали по всем деревням. Они объявляли о возвращении своих гостод, которые якобы высадились на берег вместе с англичанами. Священники собирали обманутых крестьян, они призывали их умереть за дело восстановления религии их отцов; они указывали им на небесный венец — награду за этот крестовый поход; они благословляли их оружие и пели им церковные песнопения, разъясняя ряд текстов из священного писания, которые, по их словам, предсказали все происходящее. «Вся Франция восстала, кричали они, — сам Париж отомстил Национальному Собранию за казнь нашего короля. Храбре, друзья! Нужно восстановить на троне его сына. Нас поддержит десница господа. Что могут сделать против него нечестивцы?».

«Вначале дворяне не смели показываться. Они ждали, чтобы события вылились в какуюнибудь форму. Они ограничивались тем, что носили в петлице изображение «сердца христова», с четками в руках присутствовали в крестьянской одежде на религиозных церемониях. Они заставили уговорить себя взять коман-

<sup>1)</sup> Там же, стр. 35

дование над крестьянами; но они это сделали только тогда, когда получили уверенность, что за ними будут стоять люди, твердо решившие сражаться... Начальники, руководившие первыми движениями, были старыми солдатами или стражниками. Такова Жоли и Савен в дистрикте Сабль... Но когда дворяне увидели, что восставшие сражаются с такой непоколебимостью, которая могла быть только следствием фанатизма, что они бросаются на пушки республиканцев и обращают их в бегство, отбивая оружие и воинские припасы,—тогда они, не колеблясь более, последовали призыву крестьян и стали во главе их»<sup>1)</sup>.

Если и всего сказанного выше уже вполне достаточно для выяснения руководящей роли церковников в вандейской контрреволюции, то не менее яркой иллюстрацией этого положения может служить тот факт, что в захваченных вандейцами областях рука об руку с реставрацией политической происходила и реставрация церковная. В самом деле—уже в первых документах, выпускающих программу вандейских контрреволюционеров, задача восстановления попранной религии фигурирует непосредственно вслед за задачей восстановления монархии. Вот что гласит, например, постановление, опубликованное 12 марта 1793 года (т.-е. на второй день восстания), в городе Машекуле:

«Народ области Ретца и соседних местностей, собравшийся по собственному побуждению в городе Машекуль с целью положить предел разбою, свергнуть иго тирании и вернуть себе свои права и имущества, коих он был лишен посредством гнета и насилия со стороны разбойников, узурпировавших законную власть, поднявших свои богопротивные руки на голову лучшего из королей, уничтоживших монархию, справедливость и религию,—

«Перед лицом неба и земли об'являет, что не признает и никогда не признает никого, кроме французского короля в качестве своего единственного суверена, которому он клянется в верности и послушании;

«что он не признает ни так называемого Национального Конвента, ни департаментов, ни дистриктов, ни муниципалитетов, ни клубов, ни национальной гвардии. Деяния всех этих мерзавцев навлекут на них небесное проклятие и самые сокрушительные наказания.

«Всем и каждому запрещается им повиноваться, под угрозой быть наказанным, какслушник его величества.

«Народ об'являет, что в качестве представителя короля признает командующего городом Машекуль, областью Ретца и прилегающими местностями, и клянется ему повиноваться. Единогласно постановлено, что настоящая декларация будет опубликована в городе Машекуль и во всех приходах области Ретца и прилегающих местностей, дабы никто не мог отговариваться ее незнанием.

• «Народ города Машекуль, области Ретца и прилегающих местностей.

«Машекуль, 12 марта 1793 г., последнего года тирании»<sup>2)</sup>.

ред. Луккина.

<sup>1)</sup> Жорес, т. VII, стр. 174—176. Пользуемся переводом из хрестоматии под

<sup>2)</sup> „La Révolution Française“, 1925, стр. 25—26.

Первым делом восставших, по захвате ими какойнибудь местности являлось восстановление в ней упраздненных революцией имущественных привилегий католической церкви. Организованный контрреволюционерами в Шатильоне на Севре «высший совет», немедленно по захвату власти, «аннулирует продажи уделных и прочих, именуемых национальным, имущества, произведенные в силу постановлений так называемых Национальных Собраний, а равно и перепродажи этих имуществ, совершенных их первыми приобретателями». Десятины и другие натуральные повинности в пользу церкви «должны продолжать уплачиваться так, как это делалось в 1790 г.», с тем, что «окончательное решение по вопросу о десятине может быть принято лишь королем, церковью и созданными государственными сословиями». Собственник или арендаторы земельных владений могли, правда, не уплачивать десятины немедленно, а лишь представлять декларацию о следуемой с них сумме, чтобы впоследствии дать отчет об употреблении таковой «на случай, если король, церковь и государственные сословия признают это целесообразным». Но им все же рекомендовалось лучше заплатить немедленно, и полученные таким образом доходы должны были поступить «на нужды католического, апостолического и римского культа и на содержание его служителей».

Аналогичные постановления принимались и в других местностях и согласно кодексу восставших областей, «проживавшие в завоеванных местностях бывшие владельцы бенефициев восстанавливались во владении таковыми независимо от их продажи или отчуждения, произведенного в силу декретов Национального Собрания. Но при этом они не могли расторгать арендных договоров и изгонять фермеров.

«Приобретатели национальных имуществ могли продолжать пользоваться таковыми лишь временно и лишь в качестве арендаторов или управляющих, обязанных отчетностью в отношении проживавшим в завоеванных местностях прежних владельцев. Арендные договоры сохранялись в силе до истечения их срока. Что же касается до арендной платы за национальные имущества, прежние владельцы каковых находились вне завоеванных местностей, то таковая должна была вноситься казначею армии».

Таким образом мы можем констатировать, что во всех захваченных повстанцами областях происходила реставрация дореволюционных прав католической церкви, и если при этом частично принимались во внимание и интересы новых владельцев или арендаторов, то делалось это, само собой разумеется, лишь для того, чтобы не оттолкнуть крестьян от поддержки контрреволюции. Но принципиально церковная реставрация мыслилась столь же полной, как и реставрация политическая и уже одно это, независимо от всего остального, достаточно ясно рисует роль контрреволюционного духовенства в вандейском движении.

Но если реставрация до революционных прав церкви могла быть легко оправдана ссылкой на предписания канонического права, постановления церковных соборов и тому подобные авторитеты, то несколько труднее должно было, казалось бы, быть примирение «гуманных» заповедей евангелия с теми невероятными по своей жестокости зверствами, которыми прославилась

вандейская «католическая и королевская армия». А между тем вандейские церковники не только принимали посильное участие в этих зверствах, но и давали им принципиальные одобрения!

Уже в первые дни восстания, захватившие Машекуль мятежники с полной очевидностью обнаружили, чего революционная Франция могла ждать от двигавшихся на нее из Вандеи «освободителей». Вот как машекульские зверства описываются в донесении конвентского комиссара Виллера:

«Наиболее жестокими были старики, женщины и дети. Женщины призывали к убийству, старики наносили удары, а дети воспевали победу...

«...Схватили конституционного священика Летора. Эти варвары не убили его сразу, а стали наносить ему штыковые раны в лицо. Мучения его продолжались около 10 минут. Один из убивших его чудовищ, уходя, заметил: а ведь этот паршивый священник прожил недолго!

«Арестовали гражданина Пино и его 17-тилетнего сына.—Отрекись от нации, кричали ему разбойники,—и мы не причиним тебе вреда.—Нет, я умру верным моему отечеству; да здравствует нация! И его приканчивают. Затем палачи оборачиваются к его сыну.—Ты видел участь твоего отца? Присоединяйся к нам и кричи: да здравствует король, да здравствуют аристократы! Мы не причиним тебе зла.—Нет, отец мой умер верным своей родине, и я такж умру с возгласом: да здравствует нация! Его тут же прикончили.

«Гражданин Пейно, мировой судья, умер также с возгласом: да здравствует нация!

«В течение дней 11 и 12 марта на улицах было убито 44 патриота; столько же, примерно, были заключены в тюрьму...

«...До приезда Шаретта, главнокомандующего мятежников, арестованным не причиняли зла. Он прибыл в Машекуль 14 марта и немедленно направился на площадь, где он обратился к войскам с речью, говоря главным образом об опасностях, грозящих католической религии. Кончил криками: да здравствует король, знать и аристократы!

«С вечера того же дня все слесари были заняты изготовлением наручников, настолько острых, что при малейшем движении, несчастные арестованные порезывали себе руки.

«Среди крестьян и одетые подобно им, находились дворяне обоего пола и много неприсяжных священников, в том числе бывший машекульский викарий, по фамилии Дрион.. Его попросили зайти в церковь и отслужить мессу.—Нет, заявил он, церковь еще не очищена после конституционного священника. И что же он делает? Он приказывает возвести алтарь на том самом месте, на котором были перебиты почти все граждане и совершают мессу, стоя в еще продолжавшей течь крови. Подол его облачения был запятнан кровью, но это не помешало ему, закончить службу словами: господи, спаси короля.

«Начиная с пятницы 15 марта и до понедельника 22 апреля, вряд ли был хоть один день, не отмеченный убийствами. Чтобы хоть до некоторой степени узаконить их в глазах тех людей, которые начали от них уставать, Шаретт писал письма, которые адресовал самому себе; это было то письмо из Нанта, то письмо из Парижа. Накануне пасхи он публично огласил одно из таких пресловутых писем, в котором сообщалось, что все 60-тилетние священники, заключенные в Нанте, задушены. На другой же день эта варварская хитрость произвела ожидаемый эффект. Все направились к тюрьмам. 24 из наших несчастных собратьев были убиты утром, и 56—вечером, и эти людоеды говорили за ужином: сегодня мы славно разговелись!

«Они пересгали убивать, и стали привязывать арестованных к длинной веревке, которую продевали через руку (бунтовщики называли это своими четками), потом их вывозили в поле и заставляли стать на колени перед большим рвом. Их расстреливали, а затем люди с пиками и кинжалами бросались на тех, кто не получил смертельных ран.

«Гражданину Жуберу, председателю дистрикта, отпилили кисти рук, прежде чем убить его; он был заколот вилами и штыками.

«Эти варвары зарывали в землю живых людей... 23 апреля еще видели на том поле, которое стало могилой стольких храбрых и несчастных граждан, скимавшую пучок травы высунутую руку, которая казалась рукой человека, пытавшегося выйти из могилы...

«Эти чудовища убили в Машекуле 542 гражданина, но это количество жертв было недостаточно для их ярости... Они уверяли, что они сражались за веру, и священники, чтобы их ободрить, уверяли их, что они отправятся прямо в рай, если умрут в бою и попадут в ад, если обратятся в бегство. Кроме того они уверяли их, что пули им не опасны, если они верят в бога.

«Шаретт и бывший машекульский викарий, зная, что приближается армия Бейссера, опасались, как бы это известие не произвело паники в их отряде. Для избежания дезертирства они изобрали следующее средство. Священник распространил слух о чуде. Он прибег к помощи старика, в которого велел выпустить пятнадцать холостых выстрелов и эти два мерзавца стали обходить улицы, утверждая, что с ними говорила умершая несколько лет тому назад приорша из монастыря. Когда их расспрашивают, священник утверждает, что святая не велела убивать больше кого бы то ни было, иначе как в бою, и что она уверила старика, перед которым она стала в то время, как его расстреливали, что все синие<sup>1)</sup> умрут в течение дня 22-го. Шаретт приказывает зажечь свечи вокруг гробницы мнимой святой; все становятся на колени, священник кладет руку на могильную плиту и воскликните, что он чувствует, как она приподнимается. Тотчас же вспыхивает чудо, произносят молитвы и фанатическая церемония заканчивается приглашением явиться завтра, чтобы узнать волю

<sup>1)</sup> Прозвище под которым у вандейцев были известны их противники—революционеры.

святой, написанную позади вдёланной в стену статуи Богоматери. Каковы же были слова святой? Список женщин-патриоток, которых следовало убить вместе с их детьми в ночь на 22-е...» (Курсив наш—Я. М.)<sup>1)</sup>.

Но вандейское духовенство не только играло руководящую роль в только что описанных зверствах, но и давало им полное теоретическое оправдание. Так, например, неприсяжный священник Франсуа Шавелье, описав организованные мятежниками зверства, жертвой которых по его собственному признанию являлись не только активные революционеры, но и все просто посещавшие службу присяжных священников<sup>2)</sup> говорит затем нижеследующее:

«В силу поворота событий, кажущегося делом провидения, те, кто в течение двух лет арестовывали, преследовали и беспокоили граждан, оказались теперь жертвой возмездия... Не следует удивляться тому, что с этими творцами гражданских войн, церковных расколов и революций обращались без всякой пощады: ведь и они никого не жалели и намеревались и дальше поступать точно также.

«Не следует думать, что мы хотим оправдать здесь отдельные моменты жестокости и беззакония, характеризующие проскрипции, произведенные народом при этих трагических обстоятельствах, но в событиях этих нельзя не усмотреть мести боя — Франции вообще и ее отдельным местностям — в особенности..... Наша несчастная революция является эпохой гнусной замены принципов католицизма язычеством; можно ли после этого удивляться, что богоотомстил наконец за свое дело и предал незнавших более узды негодяев в мстительные руки потерявшего голову населения?». (Курсив наш—Я. М.).

### VIII.

Если одной из важнейших движущих сил вандейской контрреволюции являлось неприсяжное духовенство, причем духовенство присяжное в Вандее являлось почти всегда первой жертвой ярости фанатизированных крестьян, то в остальной Франции в это же самое время, а отчасти даже и раньше, обнаруживаются признаки, позволяющие усомниться в верности революции также и духовенства присяжного.

Причины этого явления вполне понятны. В то время, как присяжное духовенство, явившееся последышем церкви старого режима, вполне естественно ненавидело революцию с ее первого дня, созданное Учредительным Собранием, неприсяжное духовенство, явившееся последышем церкви так и по своей идеологии было связано теснейшими узами с крупной буржуазией. Поэтому лишь совершившийся летом 1792 года переход на сторону контрреволюции партии крупнейшей буржуазии того времени — фельянов — нанес первый удар существовавшей до этого привязанности присяжного духовенства к революции. Когда же зимой 1792—

1793 г.г. за примером фельянов последовали жирондисты, огромное большинство присяжного духовенства оказалось вместе с ними по ту сторону баррикады и превратилось из сторонников революции в ее жесточайших врагов.

Однако, процесс этот был довольно постепенным и длительным и первые проявления ненадежности присяжного духовенства были лишены, на первый взгляд, какого бы то ни было политического характера, ибо шли под лозунгом исключительно только защиты норм канонического права. Так, в ответ на издание Законодательным Собранием декретов 20 сентября 1792 года о секуляризации актов гражданского состояния и о разводе<sup>1)</sup>, целый ряд «конституционных» епископов (Фоше, Лекоз, Флавиньи и др.) заявили, что эти акты гражданской власти ни в чем не могут изменить предписаний канонического права по данным вопросам. «Будем строго различать,—читаем мы в пасторском послании кальвадосского епископа и видного жирондиста, Фоше,—между законами предписывающими и законами разрешающими. В отношении этих последних мы вправе слушать голос нашей совести, советоваться лишь с нашей религией и следовать лишь за Евангелием. Закон, разрешающий свободное отправление всех религий и всех культов, предоставляет нам в этом отношении всю полноту нашей свободы».

Вывод, который Фоше делал из этой посылки, заключался в том, что люди, желающие, согласно декрету 20 сентября, развестись и вступить в новый брак, могут сделать это как граждане, но не как католики. Совершая эти поступки, «перестают принадлежать к католической церкви и лишаются права участвовать в ее таинствах». Поэтому неудивительно, что Фоше грозил отрешением от должности священникам, которые осмелятся венчать разведенных. Кроме того, хотя декрет 20 сентября упразднял оглашение перед браком, Фоше утверждал, что это относится лишь к браку гражданскому и требовал от священников его сохранения для брака церковного. Наконец, Фоше категорически запрещал браки клириков и грозил отрешением от должности тем священникам, которые станут их венчать<sup>2)</sup>.

Мы уже говорили, что примеру Фоше последовал целый ряд других епископов. Не ограничиваясь категорическим отрицанием возможности развода, епископы эти, в противность декрету 20-го сентября, требовали сохранения за священниками права ведения списков гражданского состояния их прихожан, обращавшихся к ним за освящением их рождений, браков или похорон. «Эти списки, говорил морбиганский епископ Лемаль, будут носить совершенно частный характер и послужат лишь для самой церкви»;

<sup>1)</sup> Речь об этих декратах будет ниже, в следующей главе. Сейчас отметим только, что декреты эти передавали ведение актов гражданского состояния из рук католической церкви в руки муниципалитетов и допускали развод, запрещенный каноническими правилами католицизма.

<sup>2)</sup> Отдельные случаи браков церковников, запрещенных, как известно, католической религией, встречались уже с первых лет революции, но поскольку брак носил в это время исключительно церковный характер, желающим жениться священникам приходилось либо искать таких коллег, которые с риском для собственного положения соглашались их обвенчать, либо же обращаться к помощи властей и даже Национального Собрания. Лишь декрет 20 сентября 1792 г. не содержавший никаких ограничений относительно брака церковников, придал таковым массовый характер.

<sup>1)</sup> Жорес т. VII, стр. 183—186.

<sup>2)</sup> Там-же, стр. 181—182.

другие же епископы пытались оправдаться тем, что церковные списки будут вестись лишь в карманных записных книжках.

Поведение Фоше и его коллег вызвало резкий отпор со стороны ряда органов местной администрации. В департаменте Кальвадос ряд муниципалитетов запретили кюре оглашать с амвона послание Фоше. Но этим дело не ограничилось и толкование, данное «конституционной» церковью декретам 20 сентября, вызвало́ резкую отповедь и со стороны центрального правительства Франции. «Декрет 20 сентября 1792 года,—читаем мы в постановлении Временного Исполнительного Совета от 22 января 1793 г.,—предписал, чтобы акты гражданского состояния всех без различия граждан велись и хранились в муниципалитетах и чтобы все ранее ведшиеся книги этих актов были переданы из приходских церквей и других хоралищ в ратушу каждого муниципалитета. Кроме того, этот декрет строго запретил кому бы то ни было вмешиваться вперед в ведение этих актов и предписал, чтобы заключению брака предшествовала только одна публикация. Однако, в нарушение этого декрета, многие епископы Республики, под предлогом констатирования религиозного состояния римских католиков, предписали кюре своих епархий вести в двух экземплярах списки крестин, браков и похорон католиков. Один из этих экземпляров должен всегда находиться в руках кюре, а другой должен передаваться в секретариат епископа. Кроме того, они запретили благославлять браки тех, кто откажется произвести церковное оглашение. Такое постановление епископов явным образом противоречит закону и в силу этого не может быть терпимо».

Поэтому, гласит далее постановление Временного Исполнительного Совета, «принимая во внимание, что функции священников ограничиваются управлением культа и не допускают какого бы то ни было вмешательства в гражданские дела...», Совет запрещает епископам предписывать священникам вести списки, производить оглашения и отказывать в совершении браков, кроме тех случаев, когда это предписано законом. Последнее означало, что священники обязаны венчать также и клириков разведенных.

Постановление Временного Исполнительного Совета вызвало протест со стороны ряда епископов, не остановившихся перед открытым осуждением его в своих пастырских посланиях. А один из них, Лекоз, не ограничился этим и обратился с протестом к самому Национальному Конвенту. Каков же был ответ Конвента на эти первые проявления непослушания «конституционного» духовенства?

В заседании Национального Конвента 22 февраля 1793 г. было оглашено письмо одного священника кальвадосской епархии, жаловавшегося на преследования, которые посыпались на него после его вступления в брак. «Эти преследования,—заявил поднявшийся на кафедру монтаньяр Лоран Лекуантр,—являются результатом пастырского послания епископа Фоше, широко распространенного в этом департаменте. В этом послании Фоше запрещает всем кюре вступать в брак и накладывает интердикт на тех, кто их венчал». В заключение Лекуантр предлагал передать

жалобу священника на рассмотрение Комитета Общей Безопасности.

После Лекуанта слово взял монтаньяр Мор. «Я не вижу оснований,—заявил он,—в силу которых обладающий многими любовницами Фоше, считает себя вправе запрещать другим взять себе одну жену. Весьма странно, что он считает себя вправе осуждать поведение священника, вступившего в законный брак, тогда как он сам проводит все свои ночи с женщинами и девками без всяких подготовительных благословений (Смех на многих скамьях)».

Следующий оратор, Леарди, потребовал, чтобы комитет законодательства сделал Конвенту доклад о всех распространяемых в департаментах пастырских посланиях. «Нет никакого сомнения,—говорил он,—что выслушанная нами жалоба может быть распространена на всех епископов Республики. Из этих 83 оплачиваемых людей, вряд ли найдутся четыре, которые бы не выступали против благодетельного закона, разрешившего развод и брак священников. Подавив неприсяжных священников, мы, очевидно, лишь переменили форму фанатизма. (Курсив наш. Я. М.).

Конвент согласился с Леарди, и поручил своим Комитетам Общей Безопасности и Законодательства представить совместный доклад о пастырских посланиях, распространяемых епископами в пределах их епархий.

Ровно через неделю после этого, 1 марта, в Конвент поступила жалоба от администрации ретельского дистrikта на арденского епископа Фильбера, напечатавшего послание к верующим своей епархии, «способное лишь возбудить фанатизм и неповиновение». В этом послании епископ не только осуждал развод и браки священников, но и призывал граждан бороться за сохранение католической религии и требовать ее гарантирования в имевшей быть выработанной Конвентом новой конституции.

Выступавший в порядке прений монтаньяр Приер из Марны, заявил, что необходимо тщательно расследовать это дело, «ибо в настоящее время имеет место что то вроде об'явления нам войны духовенством». Я могу выставить подобное же обвинение против нашего коллеги Фоше, а Монетье подтвердит вам, что обращение клермонского епископа к гражданам Пюи-де-Дома также заслуживает осуждения» (Курсив наш.—Я. М.).

Столь же резким было и выступление дантониста Тюрьо, заявившего, что «пора, наконец, принять меры против нарушителей общественного спокойствия. Вызовите арденнского епископа к вашей решетке, чтобы он отдал вам отчет о своем поведении и потерпел наказание, предусматриваемое законом в отношении тех, кто его нарушает». А Камбасерес предложил передать, кроме того, дело на рассмотрение комитета законодательства».

Национальный Конвент принял оба предложения и уже 5 марта Фильбер был доставлен под конвоем в Париж и допрошен в комитете законодательства. 25 марта Камбасерес от имени этого комитета представил Конвенту подробный доклад по делу Фильбера, а 18 апреля Конвент, по предложению Камбасереса, выразил осуждение его поведению и приговорил его к уплате издержек, связанных с напечатанием доклада комитета законода-

гельства. Кроме того, Конвент передал на рассмотрение этого же комитета и Комитета Общей Безопасности сделанное одним из депутатов предложение об оштрафовании в пользу бедных на 6.000 ливров каждого из епископов, опубликовавших «послания или инструкции, противоречащие законом Республики и могущие вызвать беспорядки».

Но резко одергивая, таким образом, зарывавшихся церковников, Национальный Конвент весной 1793 года отнюдь не собирался нападать на тех конституционных епископов или священников, которые спокойно отправляли свои обязанности и не пытались вести своей собственной политики, враждебной интересам революционной Франции. Издавая свой декрет об обязательной военной службе, Национальный Конвент 23 марта тщательно разъясняет, что он «не имеет в виду включать о рекрутском наборе епископов, кюре и викариев, оплачиваемых нацией. В силу этого он декретирует, что те из них, которые, участвуя в рекрутском наборе, окажутся в числе граждан, подлежащих отправке на фронт, имеют право по своему усмотрению отправиться туда или вернуться к своим обязанностям». С другой стороны, когда в заседании 7 июня, т.-е. уже после изгнания жирондистов, какой то депутат предложил подвергнуть изгнанию паравне с неприсяжными священниками и священников присяжных, Конвент, по предложению Тюро, декретировал, что «всякий член Конвента, который позволит себе требовать в его стенах высылки священников, подчиняющихся закону и оплачиваемых государством, будет отправлен на недельный срок в тюрьму Аббатства». А 27 июня Национальный Конвент по предложению Барера декретировал, что «содержание церковников входит в состав государственного долга».

Но так обстояло только до тех пор, пока с критикой конвентских законов позволяли себе выступать лишь отдельные члены конституционного духовенства и, главное, пока дело ограничивалось лишь оружием критики, не перерастая в критику оружием. Когда же в начавшихся в июне 1793 г. многочисленных так называемых «федералистических», то есть жирондистских, восстаниях, приняли участие не только князья церкви вроде Фоше и некоторых других епископов, но и многие рядовые «конституционные» священники, отношение к ним со стороны Национального Конвента не могло не измениться самым решительным образом, хотя это и произошло далеко не сразу. Поэтому не приходится удивляться, что, начиная с осени 1793 г. начинаются массовые преследования против присяжного духовенства, уже через несколько месяцев почти уравнивающие его положение с положением духовенства неприсяженого.

Однако, как и следовало ожидать, этот поворот в отношении Конвента к «конституционному» духовенству был не только явлением постепенным и длительным, но и значительно отставал в своем темпе от аналогичного поворота, уже с весны 1793 года совершившегося в настроении широких революционных масс<sup>1)</sup>.

В самом деле—не говоря уже о «бешеных», для которых требование снятия всех без исключения священников со всех гражданских и административных должностей составляет с этого времени одно из основных пунктов их программы<sup>2</sup>), аналогичное требование довольно часто исходит и от чисто монтаньярских по своему составу групп и организаций. Так, 10 апреля граждане Джона обращаются к Конвенту с письмом, в котором требуют отстранения служителей какого бы то ни было культа от всех должностей в гражданской и военной администрации, в начале июня о том же самом ходатайствуют 8 секций города Безансона, а 30 июня—парижская секция Французского Пантеона.

Каково же было отношение к этим требованиям со стороны монтаньярских верхов?

В заседании якобинского клуба 1 апреля Альбитт предложил исключить из народных обществ всех дворян и священников, но клуб по предложению Бентабеля не удостоил это предложение вниманием и перешел к порядку дня. Когда же через два дня это предложение всплыло снова, то против него выступил сам Робеспьер, заявивший, что «разоружить следует не дворян и попов, а всех сомнительных граждан, всех интриганов и всех, выявивших признаки своего антигражданского настроения».

Но если так обстояло дело тогда, когда борьба «конституционного» духовенства с революцией ограничивалась сравнительно второстепенными вопросами, не приобретая еще открыто выраженного политического характера, то, как это ни странно, картина почти не изменилась и тогда, когда значительная часть присяжных епископов и священников приняла участие в «федералистических» мятежах и тем самым доказала свою непреклонную враждебность якобинской республике. В самом деле—в июне—августе 1793 г. монтаньяры, как известно, были весьма далеки от того, что Маркс назвал впоследствии «плебейским способом» совершение буржуазной революции, и надеялись еще на примирение с жирондистами, следствием чего была их типично-соглашательская политика в этот период революции. Само собой разумеется, что эта политика монтаньяров не могла не отразиться и на их отношении к «конституционному» духовенству и поэтому неудивительно, что еще в июле и августе 1793 г. Национальный Конвент, борясь с отдельными представителями этого духовенства, отнюдь не помышляет о борьбе с ним, как таковым. Типичным примером этого факта могут служить прения в Конвенте 19 июля 1793 г.

В этот день, в связи с жалобой одного священника на преследования, жертвой которых он сделался в связи со своим вступлением в брак, Конвент декретировал, «что никакой закон не может лишить содержания вступающих в брак служителей католического культа<sup>3</sup>), но дантонист Лежандр, не удовольствовавшись этим общим декретом, предложил дополнить его «уста-

властей». Так например, парижский мэр Шамбон в докладе Конвенту 5 января 1793 г. в резких выражениях обличал контр-революционную пропаганду присяжного духовенства. «Мы не колеблясь должны заявить,—воскликнул Шамбон,— что мы меньше боимся неприсяжных священников, нежели махинаций этих прелатов!

<sup>1)</sup> См. Я. М. Захер, «Бешеные».

<sup>2)</sup> А. Р., т. XIX, стр. 188.

<sup>3)</sup> Впрочем, поворот в отношении к присяжному духовенству, наряду с широкими массами, сказался и на целом ряде так называемых «установленных

норлением наказания для тех епископов, которые станут преследовать вступающих в брак служителей католического культа». Когда же Бреар потребовал, чтобы кроме наказания подобные епископы были еще лишены их должностей, то против этого выступил Ру, заявивший, что последнее предложение равносильно вмешательству гражданской власти в чисто религиозные дела.

Замечание Ру вызвало резкую отповедь со стороны дантониста Делакруа и самого Дантона. «Епископы,—говорил Делакруа,—назначаются избирательными собраниями и оплачиваются нацией; они, следовательно, должны подчиняться всем законам Республики. А между тем говорят, что их нельзя сместить! Как нельзя сместить епископа, который окажется заговорщиком и станет разворачивать свою епархию? Подобное утверждение означает поругание народного суверенитета; оно означает, что епископы оказались бы стоящими выше законов. Епископы, возражающие против брака священников, заслуживают большего, чем простое отрешение от должности; их следовало бы приговорить к году каторжных работ. Я требую голосования предложения Бреара».

В совершенно аналогичном духе высказался и Дантон. «Предложенная вам новая редакция (Ру предлагал, чтобы вместо отрешения противящихся браку священников епископов от должностей, таковые считались бы отказавшимися от них добровольно.—Я. М.),—говорил он,—не достойна французского народа. Противящиеся браку священников епископы тем более виновны, что оплачиваются нацией. Мудрость не должна превращаться в мягкое сердечие. Мы сохранили жалование епископов; пусть же они следуют примеру их предшественников и отдают кесарево—кесарю. А ведь нация стоит выше всех кесарей вместе взятых. Поэтому я требую отрешения от должности всех епископов, препятствующих браку священников; кроме того, я требую наказания их годом каторжных работ, если в основе их поведения лежит их антигражданское настроение».

Иную точку зрения высказал монтаньяр Лекинио. «Я думаю,—заявил он, что все, кто меня знают, не подумают, что я расхожусь с ними в мнениях, но я должен предупредить вас, что в департаментах нас обвиняют в том, что мы имели в виду каноническое отрешение и тем самым вмешиваемся в религиозные дела. Я стою не только за отрешение, но и за более строгое наказание. Но я хочу, чтобы мы доказали всей Республике, что речь идет не о каноническом отрешении: на самом деле вопрос заключается в том, чтобы наказать как ослушника государственных законов и бунтовщика человека, которого его звание епископа и священника не ставят выше законов. Поэтому его следует лишить его содержания».

С ответом Лекинио и поддержавшему его Тириону выступил взвывший вторично слово Делакруа. «Епископы,—говорил он,—являются конечно простыми гражданами, но нельзя отрицать, что они сверх того наделены особыми функциями. Если вы ограничитеесь тем, что лишите их содержания, произойдет тоже самое, что произошло с контрреволюционными священниками (подразумеваются неприсяжные священники. Я. М.). Они также не получали содержания, но фанатики и аристократы давали им милостыню и наградные. Таким образом, они фактически останутся

на своих местах и будут приносить еще больше вреда, чем раньше. Не будет же ограничиваться незначительными мерами, будем бить по личностям и скажем им: вы плохие граждане и, как таковые, не должны больше исполнять каких бы то ни было функций».

Выступление Делакруа заставило Лекинио внести новое предложение. «В виду того,—заявил он,—что изгнание влечет за собой отрешение от должности и лишение содержания, я предлагаю декретировать, что противящиеся браку священников епископы будут высланы и заменены другими».

Предложение Лекинио встретило всеобщее сочувствие и было тут же на месте декретировано Конвентом без всяких дальнейших прений.

Итак, борясь с отдельными контрреволюционными представителями присяжного духовенства, или, говоря точнее, не всего этого духовенства, а лишь его верхов, Национальный Конвент летом 1793 г. отнюдь не намеревается об'являть войны всему этому духовенству, как таковому. Еще ярче нежели 19 июля, это проявилось в конвентских заседаниях 11 и 12 августа.

В заседании 11 августа 1793 г. дантонист Шабо, вообще пытавшийся в это время заигрывать с крайними элементами революционной демократии<sup>1)</sup>, предложил запретить избрание в течение десяти лет всех дворян и священников на какие бы то ни было общественные должности или посты. Но требование Шабо не встретило в Конвенте сочувствия. Осселен, Гарнье из Сента и Дартигоэйт предложили передать его на рассмотрение комитета законодательства, т.-е. положить над сукно, а Гастон хотя и поддержал Шабо, но лишь с очень существенной оговоркой.

«В отношении священников,—говорил Гастон,—я думаю, что допущение их к общественным должностям должно быть обусловлено их вступлением в брак. Живя один, священник может оставаться привязанным к бывшему духовому сословию; но окруженный женой и детьми, он будет думать лишь о том, чтобы служить родине, доставившей ему столь великие радости».

С решительным возражением Гастону выступил Малларме: «Я согласен на передачу в комитет предложения Шабо, но я требую перехода к порядку дня в отношении предложения о браке священников. Мы, правда, вступили в эпоху, когда сброшены все покровы, но мы знаем также, сколько крови пролилось изза слишком большого внимания к этой проклятой корпорации. Она больше не существует и поэтому нам не следует ею больше заниматься. Пусть священники, подобно всем другим гражданам, следуют своим влечениям в отношении брака или безбрачия; лишь бы они хорошо служили своей родине, они будут пользоваться защитой законов. Я требую перехода к порядку дня по вопросу о священниках». (Курсив наш—Я. М.).

Предложение Малларме было принято Конвентом и проект Шабо не получил никакого дальнейшего движения.

<sup>1)</sup> Так, например, в начале августа он предложил продавать хлеб населению по пониженней цене, с тем, чтобы связанные с этим убытки покрывались за счет богатых. См. об этом Матье, «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора», стр. 224—225.

Еще более характерным, нежели судьба предложения Шабо, был доклад, сделанный на следующий день, 12 августа, дантонистом Жюльеном из Тулузы от имени Комитета Общей Безопасности. Доклад этот был сделан в связи с делом священника Шевало, отрещенного его начальством от должности за вступление в брак. Доклад Жюльена настолько характерен, что мы приводим его почти дословно:

«Для всех, знающих французский национальный гений, чрезвычайно тяжело видеть, как в вашей среде, все время возобновляются предложения, которые давно уже следовало устраниć и которые могут только создать новых прозелитов фанатикам и мятеjникам. Учредительное Собрание, начертав судьбу французского духовенства в своем положении о его гражданском устройстве, продолжало им заниматься и в дальнейшем. Законодательное Собрание, задачей которого являлось лишь заставить строжайшим образом исполнять изданные Учредительным Собранием законы и принять меры, наиболее подходящие для лишения духовенства какого бы то ни было значения, занималось им беспрестанно. Да и сам Национальный Конвент потратил на это не мало драгоценного времени. Само собой разумеется, что эта часть граждан, и в частности находящиеся среди нее некоторые честолюбивые и беспокойные люди, заслуживают, когда они совершают те же преступления, что и другие граждане, всей строгости законов, ибо они стремятся к восстановлению своего разрушенного трона и воссозданию обгоревших обломков церковной власти. Но поскольку народ отказался от части своей власти в пользу суда и администрации, почему не предоставить им заботу об уважении законов и о применении против нарушителей таковых требуемых обстоятельств мер национальной строгости?...

«...Граждане, взгляните га нынешнее положение Республики! Наши западные департаменты разорены разрушительной войной, поводом для которой служит религиозный фанатизм. Коалиция департаментов (то-есть, жирондистские восстания.—Я. М.) поддерживается смешной басней о том, будто бы вы стремитесь уничтожить какой бы то ни было вид культа. Остров Корсики снова подпал под власть тех церковных вампиров, которых тяжесть обстоятельств заставила вас изгнать из своей среды. Что является причиной этих несчастий, как не вечные раздоры духовенства и его агентов? Я не боюсь утверждать, что хотят вас заставить вмешиваться в вопросы католического культа и толкнуть вас на строгие меры, против священников, чтобы иметь повод вас оклеветать и заставить презирать и ненавидеть ваши законы; я не сомневаюсь, что все это составляет одно из средств, при помощи которых наши враги надеются нас погубить....

«...Граждане, не скрывайте от себя, что если бы в тот момент, когда Учредительное Собрание потребовало от всех церковных—должностных лиц присяги, составившей столь важную эпоху в судьбе революции, мы бы не смогли противопоставить этой святотатственной коалиции—конституционных священников, которая очутилась бы на краю гибели и Франция до сих пор осталась бы в состоянии рабства. Но вместе с тем следует признать,

что наступил момент, когда вы имеете право, посредством мудрого и справедливого закона, запретить этим священникам мешать вашей работе, заставляя вас заниматься частными делами и богословскими спорами. Положите предел всем дискуссиям, касающимся конституционных священников; в особенности не вмешивайтесь во внутреннюю сторону культа, ибо вашей обязанностью является следить лишь за гражданскими делами. Остерегайтесь некоторых предложений, стремящихся лишь увеличить количество врагов ваших законов и сторонников мятеjа, и раз вы устанавили конституцию, построенную на началах полного равенства, не превращайте себя в трибунал по рассмотрению церковных споров.

«Как народ вам это неоднократно рекомендовал, примите срочные меры против новых служителей католического культа, которые осмеливаются нарушать ваши законы, и предоставьте администрации следить за их осуществлением. Ваш комитет не думает, чтобы следовало издавать специальный закон касательно Шевало; он полагает, что достаточно дополнить кое в чем ваш закон 19 июля сего года и набросить затем официальный покров на все поступки, предшествующие его изданию. Это молчание, предписанное мудростью, диктуемое обстоятельствами и требуемое интересами дела, разрушит всю клевету, которую не перестают возводить на вас по данному поводу. Раз навсегда дайте закону всю подобающую ему широту, и не отступайте перед осуществлением принятых вами мер, как бы строги они не были. Но вместе с тем, не принимайте участия в частных раздорах священников, ибо народ поручил вам заботу о куда более важных интересах».

Первое, что бросается в глаза при чтении доклада Жюльена это не только мягкость, которую он рекомендует в отношении «конституционного» духовенства, но и то пародоксальное явление, что при доказательстве своих мыслей докладчик прибегает к той самой аргументации, которая, как мы и свое время видели, применялась фельянами в Законодательном Собрании в 1791—1792 г.г.. Более того, не ограничиваясь мнением, что вся беда происходит от вмешательства законодательных органов во внутренние дела церкви, Жюльен не останавливается перед утверждением, что предложения о решительных мерах против непокорных революционеров. А это, само собой разумеется, означало ничто иное, как удар не только по «бешеным» и эбертистам, но и главным образом по Шабо и Гастону.

В полном соответствии с принципами своего доклада, Жюльен огласил проект декрета, который был принят Национальным Конвентом без всяких прений и получил таким образом немедленно силу закона. Вот его текст:

«Национальный Конвент, заслушав доклад своего Комитета Надзора и Общей Безопасности, декретирует:

«Ст. 1. Всякое отречение от должности служителя католического культа, основанное на вступлении в брак преданных этому культу лиц, об'является аннулированным и ставший жертвой его

священник может возвратиться к исполнению своих обязанностей или продолжать исполнение таковых.

«Ст. 2. Все жалобы, доносы, преследования и процессы, предшествующие закону 19 июля сего года и имеющие своим предметом препятствия, воздвигаемые браку священников, гражданскому состоянию граждан или закону о разводе, об'являются аннулированными. Тем не менее лица, которые своими писаниями или своей деятельностью в этом отношении причинили кому либо расходы или убытки, остаются за них лично ответственными и могут быть привлечены к обычным судам для установления как самого факта причинения расходов или убытков, так и их размеров.

«Ст. 3. Закон 19 июля должен применяться также ко всем священникам, виновным в малейшей оппозиции законам о гражданском состоянии граждан и о разводе.

«Ст. 4. Впредь, все дела связанные с указанными в предыдущих статьях законами должны рассматриваться гражданскими судами».

Итак, оставляя в силе свой декрет 19 июля и даже расширяя его смысл<sup>1)</sup>, Национальный Конвент вместе с тем амнистировал всех священников, виновных в оппозиции перечисленным в декрете 12 августа законам, если только эта оппозиция имела место до 19-го июля. Вот до чего доходила в этот момент уступчивость Конвента в отношении «конституционного» духовенства и само собой разумеется, что эта уступчивость являлась лишь частью общей тактической линии монтаньяров этого периода, связанной с их попыткой мирного соглашения с жирондистами.

Однако, как известно, линия эта потерпела полную неудачу, и уже в начале сентября 1793 г. монтаньяры, под давлением революционных «бешеных» и эбертистами народных масс, оказываются вынужденными перейти к новой системе, краеугольными камнями которой являются так называемый революционный порядок управления и террор. Само собой разумеется, что эта новая система не могла не повлечь за собой и кардинального изменения положения католического духовенства и, в частности, духовенства «конституционного». Первым актом этого изменения явился закон 30 вандемьера 11 года (21 октября 1793 г.).

В виду того, что закон этот касается главным образом неприсяжного духовенства и лишь попутно упоминает о духовенстве присяжном, необходимо в двух словах напомнить о том положении, в котором неприсяжное духовенство находилось весной и летом 1793 г. Как, вероятно, вспомнит читатель, на основании законов 26 августа 1792 года и 23 апреля 1793 г. высылке в Гвиану подлежали следующие категории неприсяжных церковников:

1) Расширение это имело место в двух отношениях. Во-первых, в то время как закон 19 июля говорил только об епископах, декрет 12 августа имел в виду и священников. Во-вторых, закон 12 августа говорил не только об оппозиции браку священников, как декрет 19 июля, но равным образом и декретом 20 сентября 1792 г. об актах гражданского состояния и о разводе.

1) Церковники—должностные лица, не покинувшие Францию добровольно в течение 15 дней после издания закона 26 августа 1792 г.

2) Церковники—не должностные лица, не давшие до 23 марта 1793 г. клятвы поддерживать свободу и равенство.

3) Церковники—не должностные лица, хотя и давшие эту клятву до 23 марта 1793 г., но на которых поступит донос хотя бы от шести граждан.

Согласно декрета 18 марта 1793 года, все эмигранты и подлежащие высылке церковники, арестованные после истечения недельного срока со дня издания этого декрета, подлежали суду военного трибунала и смертной казни в течение 24 часов. Этому же наказанию, согласно декрета 23 апреля, подлежали и все высленные церковники, самовольно вернувшиеся во Францию.

Таково было законодательство о неприсяжных церковниках, действовавшее во Франции в течение весны и лета 1793 года. В заседании Национального Конвента 29 вандемьера (20 октября) 1793 г. депутат Безар представил от имени комитета законодательства доклад, в котором говорилось:

«Граждане,

«Справедливость и интересы государства заставляют нас еще раз вернуться к вопросу о подлежащих высылке церковниках.

«Не взирая на меры, принятые предшествующими собраниями, а также и самим Конвентом, для того, чтобы парализовать старания и вероломство священников, эти последние не перестают распространять, к сожалению, с слишком большим успехом, страшный яд фанатизма.

«Большая часть административных и судебных учреждений не нашли в себе той твердости и бдительности, которые одни только могли помешать возникновению столь грозных опасностей для дела народа. Священники заговорщики нашли себе тайные убежища и некоторым из них удалось таким образом избежать высылки. Другие, удалившись добровольно или высленные, взялись за оружие против отечества; значительное количество их возвратились в восставшие города и в Вандею; все они стремятся к контр-революции и человечество без конца изнемогает от проливаемых ими рек крови.

«А между тем, казалось бы, что все было предусмотрено. Была установлена справедливая лестница наказаний: отрешение от должности, интернирование, высылка, смерть. Был установлен и порядок суда над неприсяжными священниками, но суды и административные органы стали проводить тончайшие различия и все время находятся в колебаниях и неуверенности относительно способов применения законов. Поэтому необходимо уничтожить поводы к волоките, установив единый порядок судопроизводства и обединив в одном декрете все постановления, разбросанные среди разных законов о церковниках».

Однако, наряду с простой кодификацией старых законов, Безарставил перед новым декретом и задачу внесения в эти законы одного принципиального важного новшества:

«Все предыдущие декреты оставляют некоторую неясность в смысле слов «подлежащие высылке». Вашему комитету закона да-

тельства представляется излишним напоминать вам о присяге на верность закону о гражданском устройстве духовенства. Закон не должен знать ни духовенства, ни священников; он должен видеть лишь граждан. Поэтому священник, присягнувший закону о гражданском устройстве духовенства, но не давший клятву бороться за поддержание свободы и равенства и умереть, защищая таковые, должен тем не менее подлежать высылке, или, в случае ареста, быть подвергнутым соответствующему наказанию. Французская нация не нуждается в присяге служителей того или иного культа, но она имеет право требовать принесения гражданской присяги и изгонять из своей среды тех, кто отказывается ее принести».

Соответственно этому последнему положению, предложенный Безаром проект декрета при определении круга подлежащих высылке церковников совершенно отказывался от упоминания о присяге на верность закону о гражданском устройстве духовенства и говорил только о клятве поддерживать свободу и равенство. Это ясно видно из ст. 10 проекта Безара:

«Подлежащими высылке и, соответственно этому, суду и наказанию должны считаться все те члены белого или черного духовенства, послушники и миряне, которые не принесли присяги поддерживать свободу и равенство; которые, принеся таковую, отреклись затем от нее и настаивали на своем отречении; которые принесли ее после 23 марта сего года; наконец, те, на которых поступит донос в неблагонадежности, признанный департаментом, в порядке, установленном законом 23 апреля, заслуживающим доверия».

Однако, это постановление проекта Безара вызвало ряд возражений со стороны нескольких членов Конвента и, между прочим, Шабо. Конвент с этими возражениями согласился и постановил, что «подлежат высылке все священники, подлежащие присяге согласно закону 26 декабря 1790 г. и не принесшие таковой, а равно и те, кто, принеся ее, взяли ее обратно, даже и в том случае, если они после этого снова принесли эту присягу». (Курсив наш. Я. М.).

Если ст. 10 проекта Безара не только не содержала какого либо расширения очерченного предыдущими законами круга подлежащих высылке церковников<sup>1)</sup>, но, напротив того, значительно сужала его, то подчеркнутая нами в постановлении Конвента фраза в противоположность проекту Безара означала перенесение в разряд неприсяжных целой категории церковников, которые до этого времени рассматривались в качестве присяжных. Несравненно важнее, однако, было другое изменение, внесенное Конвентом в представленный Безаром проект; изменение, которое, как это ни странно, прошло несмотря на свое огромное принципиальное значение, без всяких прений.

В самом деле, в проекте Безара имелась ст. 12, которая представляла лишь простой пересказ соответствующего места закона 23 апреля 1793 г. и гласила ниже следующее:

«Церковники, принесшие в установленные декретом 23 апреля сроки присягу свободе и равенству, и на которых поступит донос их неблагонадежности, будут немедленно посажены на суда и отвезены во французскую Гвиану».

В этой форме, повторяем, статья эта являлась лишь пересказом соответствующего места декрета 23 апреля, а следовательно имела в виду не присяжных священников, а лишь тех из неприсяжных священников—не должностных лиц, которые не присягнув в свое время на верность закону о гражданском устройстве духовенства, дали впоследствии клятву «поддерживать свободу и равенство». То, что это так, видно из того, что в докладе Безара нет ни одного слова относительно необходимости распространения принятых против неприсяжного духовенства мер и на духовенство присяжное.

Но Национальный Конвент, не согласившись с Безаром оголосительно необходимости отказа от преследований тех церковников, которые в свое время не присягнули закону о гражданском устройстве и изменив соответственным образом текст ст. 10 его проекта, изменил равным образом и текст ст. 12. В результате этого эта статья получила следующую форму:

«Церковники, принесшие присягу, установленную законами 24 июля и 27 ноября 1790 г., а также присягнувшие в установленные сроки свободе и равенству, на которых поступит донос об их неблагонадежности, будут немедленно посажены на суда и отвезены на восточный берег Африки между 23 и 28 градусами южной широты». (Курсив наш—Я. М.).

Таким образом, благодаря этой прошедшей без прений поправке, оказалось, что закон, предложенный Безаром 29 вандемьера и принятый Конвентом на следующий день, т.е. 30-го, предписывает высылку не только неприсяжных священников, но и тех священников присяжных, на которых поступит донос об их неблагонадежности. Что же касается до его остальных постановлений, то вот важнейшие статьи закона 30 вандемьера:

«Национальный Конвент, заслушав доклад своего комитета законодательства, декретирует ниже следующее:

«Ст. 1. Подлежащие высылке священники, захваченные с оружием в руках на границах или на неприятельской территории;

«Схваченные или имеющие быть схваченными с удостоверениями или паспортами, выданными либо главарями французов-эмигрантов, либо командующими неприятельскими армиями, либо вождями мятежников;

«Наконец, те, на которых будут найдены какиенибудь контрреволюционные эмблемы,—

«будут переданы в руки палача и преданы смерти в 24-х часовом сроке после того, как соответствующие факты будут установлены боевой комиссией, составленной из штабных офицеров той дивизии, в расположении которой они будут схвачены,

<sup>1)</sup> Теоретически проект Безара расширял круг подлежащих высылке церковников, ибо включая в их число тех, которые, присягнув в свое время на основе декрета 27 ноября 1790 г., отказались затем от присяги поддерживать свободу и равенство. Но практически подобные случаи были настолько редки, что их можно совершенно игнорировать. Именно поэтому мы и говорим, что проект Безара не расширял круг подлежащих высылке из-за

«Ст. 2. Те, кто были или будут арестованы без оружия в странах, занятых войсками Республики, будут осуждены в тех же самых формах и наказаны тем же самым наказанием, если они ранее находились в неприятельских армиях, или в сборищах эмигрантов или мятежников, или если они находились в таковых, в момент их ареста.

«Ст. 3. Комиссия будет составлена из пяти человек из различных чинов дивизии.

«Ст. 4. Состав преступления будет считаться установленным при наличии либо показания за двумя подписями, либо показания двух свидетелей.

«Ст. 5. Те из означенных церковников, которые возвратятся или уже возвратились на территорию Республики, будут отправлены в арестный дом уголовного трибунала того департамента, в пределах которого они будут или были задержаны. По допросе их и запротоколивании допроса, они будут переданы в распоряжение палача и наказаны смертью в течение 24 часов после того, или судьи трибунала признают, что задержанные действительно подлежали высылке.

«Ст. 6. В случае отрицания обвиняемыми того, что они подлежали высылке, достаточным доказательством против них будут считаться однородные показания двух свидетелей...

«...Ст. 10. Подлежащими высылке, и соответственно этому, суду и наказанию, как таковые, считаются:

«Епископы, бывшие архиепископы и кюре, должности которых сохранены, викарии этих епископов, начальники и директора семинарий, викарии кюре, преподаватели семинарий и коллежей, общественные учителя и проповедники каких бы то ни было церквей, которые не принесли присяги, установленной ст. 39 декрета 24 июля 1790 года и регулированной ст.ст. 21 и 38 декрета 12 числа того же месяца и ст. 2 закона 27 ноября того же года, или которые отреклись от таковой, даже и в том случае, если они затем снова принесли эту присягу;

Все церковники, черные или белые, послушники и миряне, которые не выполнили предписаний декретов 14 августа 1792 г. и 23 апреля с. г. или взяли свою присягу обратно;

«Наконец те, на которых поступит донос об их неблагонадежности, если донос этот признан заслуживающим внимания согласно указанному закону 23 апреля.

«Ст. 11. Предписания ст. 2 указанного закона не применяются в отношении стариков, старше 60 лет и больных и немощных, подпадающих под действие ст.ст. 1, 2 и 5 настоящего декрета.

«Ст. 12. Церковники, принесшие присягу, установленную законами 24 июля и 27 ноября 1790 г., а также и присягнувшие в установленные сроки свободе и равенству, на которых поступит донос об их неблагонадежности, будут немедленно посажены на суда и отправлены на восточный берег Африки между 23 и 28 градусами южной широты.

«Ст. 13. Донос о неблагонадежности должен быть сделан шестью гражданами кантона. Он должен рассматриваться дирекцией департамента по согласованию с директoriей дистрикта.

«Ст. 14. Церковники, указанные в ст. 10, которые спрятались во Франции и не были отправлены во Французскую Гвиану, дол-

жны, в течение декады публикации настоящего декрета, явиться в администрацию их департаментов, которые примут меры, необходимые для их ареста и высылке согласно указаниям ст. 12.

«Ст. 15. По истечении этого срока, те, кто будут найдены на территории Республики, будут отправлены в распоряжение уголовного трибунала их департамента для предания их суду согласно ст. 5.

«Ст. 16. Смертная казнь, применяемая согласно постановлений настоящего закона, влечет за собой конфискацию имущества.

«Ст. 17. Священники, высланные добровольно и с паспортами, а равно и те, кто предпочли высылку интернированию, должны рассматриваться в качестве эмигрантов.

«Ст. 18. Всем гражданам вменяется в обязанность доносить на церковников, которые, как им известно, подлежат высылке, а равно и арестовывать их или способствовать их аресту и доставлять их в распоряжение ближайшего полицейского офицера. Наградой за исполнение этого явится уплата 100 ливров.

«Ст. 19. Каждый гражданин, скрывший подлежащего высылке священника, будет приговорен к тому же самому наказанию».

Таким образом, на основании закона 30 вандемьера положение присяжных церковников приравнивалось к положению неприсяжных церковников—не должностных лиц, давших до 23 марта 1793 г. клятву поддерживать свободу и равенство. И те и другие, в случае, если на них поступил признанный дирекцией департамента заслуживающим внимания донос хотя бы со стороны шести граждан, подлежали высылке, а в случае уклонения от таковой—смерти. При этом всем гражданам предписывалось доносить на всех известных им церковников, которые подлежали высылке, а укрывательство таковых наказывалось тем же самым наказанием, которое было установлено и для самих этих церковников, т.-е. смертью. Таково было положение, в котором служители католического культа оказались осенью 1793 г., но если Конвент, в конце концов и решился на столь крайние меры, то мы еще раз подчеркиваем, что меры эти были приняты им явным образом лишь нехотя и скрепя сердце. Поэтому мы имеем полное право утверждать, что критическое положение, в котором католическое духовенство оказалось в эпоху террора, было результатом отнюдь не каких либо тенденций монтаньяров, а исключительно лишь контрреволюционной деятельности самого этого духовенства. Но не будучи, таким образом, причиной преследований, католической церкви, анти-религиозные или, говоря точнее, антихристианские тенденции, если не всех монтаньяров вообще, то по крайней мере некоторой их части, оказались следствием таковых: естественным результатом многолетней борьбы революции с контр-революционным католическим духовенством (сначала неприсяжным, а затем и присяжным) явилось перерастание борьбы с католическим духовенством в борьбу с католической религией. История этого перерастания и будет посвящена следующая глава.

## Гл. III. Перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией

### I.

Для понимания генезиса перерастания той борьбы с контрреволюционным католическим духовенством, которую революционной Франции пришлось вести в 1790—1792 г.г. в борьбу с самой католической религией, необходимо возвратиться назад и еще раз окинуть взглядом отношение к проблеме религии и церкви различных классов французского общества.

Не касаясь здесь, по вполне понятным причинам, не только духовенства, но и дворянства, естественно преданного католической религии, как важнейшей опоре феодального строя, мы должны равным образом исключить из поля нашего зрения рабочий класс и крестьянство, бывшие в то время еще типичными «классами в себе» и поэтому почти целиком находившиеся во власти ловко используемого церковниками религиозного дурмана. Таким образом, об'ектом нашего рассмотрения остается только крупная и мелкая буржуазия и на их то отношении к религии в 1789—1792 г.г. нам и придется прежде всего остановиться.

Мы уже неоднократно отмечали, что не взирая на то, что французская крупная буржуазия конца XVIII-го века по своим философским воззрениям была почти сплошь атеистической, она не только не помышляла о пропаганде атеизма, но, напротив того, всеми своими силамицеплялась за католическую религию, в которой она видела лучшего из всех возможных жандармов буржуазно-капиталистического строя. Единственной задачей, которой ставила себе крупная буржуазия накануне и в начале революции, являлось превращение католической религии из слуги феодального общества в слугу общества буржуазного, но задача эта не только предполагала разбития католической религии, как таковой, а наоборот, требовала ее консолидации на основе лишь не сколько видоизмененной внутренней иерархии.

Это отношение крупной буржуазии к проблеме религии вообще и к религии католической в частности, наложило ярчайший отпечаток на все изученное нами в свое время церковное законодательство Учредительного Собрания. Стремясь к превращению католической религии из слуги феодального общества в слугу общества буржуазного, средством для чего было положение о гражданском устройстве духовенства, Учредительное Собрание вместе с тем ни в коей мере не имело в виду подрывать силы и моции католической религии и церкви. Доказательством этого может служить хотя бы уже цитированная нами инструкция Учредительного Собрания от 21 января 1791 г. в которой, между прочим, говорилось:

«Представители французского народа, твердо привязанные к религии своих отцов и к католической церкви, видимым главой которой на земле является папа, поставили расходы на содержание ее культа и ее служителей на первое место государственных расходов. Они не посягнули на ее догмы и обеспечили непрерыв-

ность их преподавания. Убежденные, что католическое учение и вера основаны на авторитете более высоком, нежели людской, они сознавали, что не имели права ни посягать на таковой, ни присвоивать себе часть духовной власти. Они знали, что власть эта установлена самим богом, поручившим осуществление ее своим пастырям для того, чтобы они руководили душами, доставляли им обеспечивающую людям религией помощь, увековечивали непрерывность ее служителей и просвещали и направляли человеческую совесть».

Однако, как известно, попытка Учредительного Собрания превратить католическую церковь в служанку буржуазного общества окончилась почти полным провалом. Преданное крупной буржуазии так называемое «конституционное» духовенство было сравнительно немногочисленно и почти никаким влиянием не пользовалось, а неприсяжное духовенство уже с начала 1791 г. выступает в качестве заклятого врага революции и принимает виднейшее участие во всех контр-революционных движениях 1791—1792 г.г. Каково же было влияние этого факта на настроение крупной буржуазии и каким образом отразилось поведение неприсяжного духовенства на программе и тактике крупной буржуазии в церковном вопросе?

Если инструкция 21 января 1791 года свидетельствует о том уважении и почтении, с которым заседавшая в Учредительном Собрании крупная буржуазия относилась не только к самой католической религии, но и к ее служителям, то естественным следствием контрреволюционной деятельности неприсяжного духовенства было изменение отношения крупной буржуазии к католическому духовенству. Совмещавшееся, однако, с прежним отношением к самой католической религии. В самом деле—при значительном количестве известных нам выпадов представителей крупной буржуазии против католических священников (см. напр. прения в Законодательном Собрании осенью 1791 и весной 1792 г.г.), мы не знаем ни одного документа, позволяющего утверждать, что в течение 1791 или 1792 г. произошли хотя бы малейшее изменения в отношении крупной буржуазии (в лице партии фельянов и жирондистов) к самой католической религии, как таковой. Мы, правда, видели, что многие фельяне во время прений 1791—1792 г.г. выступали в качестве защитников лозунга отделения церкви от государства, но нами уже было выяснено, что лозунг этот был направлен не к ослаблению, а к усилению позиций католической церкви. Таким образом, неудача попытки подчинения католической церкви господству вновь созданного Учредительным Собранием буржуазного государства не изменила отношения крупной буржуазии к католицизму и это было, конечно, далеко не случайно. Как это достаточно четко выяснено всей марксистской историографией, проявившийся уже с осени 1789 г., испуг крупной буржуазии перед массовым революционным движением толкнул ее в об'ятия реакции и совершенно очевидно, что создавая себе опору против масс в виде «военного закона», национальной гвардии и т. п., крупная буржуазия должна была особенно дорожить таким мощным орудием обуздания народа, как религия. Вот почему до того момента, пока крупная буржуазия

стояла у власти, т.-е. до 2 июня 1793 г., не могло быть и речи о борьбе революционной власти с религией, и самый вопрос о наличии таковой может быть поставлен лишь для эпохи, последовавшей за 2 июня, т.-е. для эпохи якобинской диктатуры.

Переходим теперь к отношению к религии и церкви со стороны буржуазии мелкой. Уже во введении к настоящей работе было указано, что если для крупной буржуазии религия после начала революции была нужно лишь как жандарм против посягательств слева, ибо теперь опасаясь бывших привилегированных уже не приходилось<sup>1)</sup>, то для буржуазии мелкой, одинаково боящейся как народных масс, так и эксплуатирующих ее более состоятельных и могущественных классов, религия, как до революции, так и на ее первых этапах, представлялась защитницей от посягательств с обоих сторон—как справа, так и слева. Именно поэтому мелкая буржуазия перед революцией и вначале ее столь же мало стремилась к борьбе с религией, как и буржуазия крупная, но вместе с тем совершенно очевидно, что в дальнейшем ходе революции это совпадение во взглядах не могло не исчезнуть и должно было замениться весьма крупными расхождениями.

В самом деле—если сказать с первых же месяцев революции испуг крупной буржуазии перед народными массами, следствием чего явилось ее стремление к обузданию этих масс всеми возможными способами и в том числе, конечно, и религией, был причиной того, что борьба крупной буржуазии с контр-революционным католическим духовенством не переросла, да и не могла перерасти, в такую же ее борьбу с католической религией, то положение мелкой буржуазии эпохи Великой Французской Революции было совершенно иным. Как известно, «историческое величие... якобинцев 1793 г. состояло в том, что они были... с революционным большинством народа, с революционными и передовыми классами своего времени<sup>2)</sup>» и при таких условиях совершенно ясно, что у мелкой буржуазии эпохи Великой Французской Революции не было и не могло быть оснований столь упорно держаться за католическую религию, как это делала буржуазия крупная.

Впрочем, это положение требует некоторой расшифровки. Действительно—мы только что сказали, что для французской мелкой буржуазии религия, как накануне революции, так и в самом ее начале, представлялась средством защиты от посягательств не только слева, но и справа. А раз так, то естественно возникает вопрос: если, при той роли, которую мелкая буржуазия сыграла в дальнейшем ходе Великой Французской Революции, у нее не было особых оснований держаться за католическую религию, как щит от ударов слева, то могла ли она отказаться от нее, как от щита от ударов справа?

Отвечая на этот вопрос следует прежде всего сказать, что уже перипетии первых лет революции не могли не показать мелкой буржуазии, что обе функции, возлагавшиеся ею до револю-

1) Во введении к настоящей работе мы отмечали, что до-революционные идеологи крупной буржуазии рассматривали религию в качестве щита от ударов как справа, так и слева. Однако, после начала революции, когда бывшие привилегированные сословия были разгромлены, первая функция должна была естественно отмереть.

2) В. И. Ленин, собр. соч., т. XIV, стр. 222.

ции на религию, далеко не являются равнозначными. В самом деле—если в отношении темных и в очень значительной степени бывших еще игрушками в руках католического духовенства народных (и в первую очередь, конечно, крестьянских) масс религия являлась действительно мощным сдерживающим началом, то в отношении почти сплошь атеистически настроенных высших классов, соответствующая функция религии могла играть лишь очень и очень незначительную роль. К тому же, если до-революционным представителям мелкой буржуазии, явившийся в то время угнетенным и страдающим классом, религия вполне естественно могла представляться единственным началом, способным защищить ее от ударов справа, то мелкая буржуазия эпохи Революции, с 10 августа 1792 г., получившая доступ к власти, а 2 июня 1793 г. взявшая власть в свои руки целиком, имела в своем распоряжении против своих врагов куда более веские аргументы, чем угроза адскими муками! Таким образом, естественным результатом развития революции (по крайней мере до 9 термидора) являлось то, что из двух функций, приписывавшихся религии до-революционной мелкой буржуазии, одна (защита от ударов справа) постепенно все более отмирала, а другая (защита от ударов слева) оказывалась ненужной до тех пор, пока мелкая буржуазия возглавляла революцию.

Но если, таким образом, из двух функций, признававшихся за религией до-революционными идеологами мелкой буржуазии, одна (защита от ударов справа) в процессе революции была осуждена на неизбежное отмирание, то этот же факт объясняет нам, почему в ходе революции наметилось различное отношение к религии со стороны различных прослоек мелкой буржуазии. Действительно—поскольку с того самого момента, как мелкая буржуазия взяла власть в свои руки, религия, как средство защиты от ударов справа, потеряла для нее какое бы то ни было значение и, единственной функцией религии сделалась, в глазах мелкой буржуазии, ее значение щита от ударов слева, совершенно естественно, что чем ближе к пролетариату стояла та или иная прослойка мелкой буржуазии, тем легче ей было отказаться от религии. И если рабочий класс, бывший в эпоху Великой Французской Революции типичным «классом в себе» не мог еще, сам собой разумеется, быть настроенным анти-религиозно<sup>3)</sup>, то именно наиболее близкие к нему по своему экономическому положению низы мелкой буржуазии, бывшие вместе с тем в достаточной степени развитыми и классово-сознательными, должны были явиться тем общественным слоем, из которого выросла вся если не анти-религиозная, в полном смысле этого слова, то по крайней мере анти-христианская пропаганда и деятельность того времени. Интересы этих низов мелкой буржуазии выражали, как известно, так называемые эбертисты и шометтисты и поэтому вполне понятно, что именно у них и проявился ярче всего процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией.

3) Именно поэтому не были также анти-религиозно настроены те деятели Великой Французской Революции, которые отражали классовые интересы рабоче-ремесленной бедноты того времени, т. е. «бешеные». Подробно об этом см. Я. М. Захер, «Бешеные» стр. 206—213.

Но даже и эбертисты и шометтисты были, как мы в этом дальше уберимся, настроены не столько антирелигиозно, сколько анти-христиански. Мелкая буржуазия, как бы революционна она не была, никогда не может все же отказаться от религии до конца и без остатка, в силу чего только пролетариат, как класс (подчеркивая слова «как класс», мы тем самым хотим сказать, что отдельные представители других классов могут также возвыситься до атеизма, но они при этом будут всегда оставаться только одиночками) может быть подлинным субъектом антирелигиозной пропаганды и борьбы. Вот почему даже эбертисты и шометтисты были настроены не столько антирелигиозно, сколько антихристиански и то, что это так, доказывает вся история так называемого «Культа Разума», речь о котором будет дальше.

Таким образом, в исторических условиях Франции конца XVIII века перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией не могло дойти до атеизма и неизбежно должно было ограничиться борьбой не столько с религией вообще, сколько с господствующей религией того времени, т.е. христианством вообще и католицизмом в частности. Вот почему, употребляя в дальнейшем изложении выражение—«перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией», мы заранее оговариваемся, что будем понимать его именно в этом ограниченном и условном смысле.

Свершенно иным, нежели положение эбертистов и шометтистов, было положение тех течений монтаньярской партии, которые выражали интересы более состоятельных слоев мелкой буржуазии—дантонистов и робеспьеристов. Если, как мы уже говорили, монтаньярская партия в целом и была гегемоном Французской Революции и возглавляла в течение всей этой революции движение широких городских и деревенских масс, то наряду с этим известен ряд случаев, когда более умеренные элементы этой партии—робеспьеристы и в особенности дантонисты (отражавшие интересы той части мелкой буржуазии, которая благодаря революции переродилась в крупную, так называемую «новую», буржуазию)—вступали с этими массами в довольно серьезные конфликты, в силу чего для этих прослоек мелкой буржуазии функция религии, как защитницы от ударов слева, никогда не могла полностью отмереть. Поэтому понятно, что робеспьеристы и дантонисты не могли столь легко отказаться от христианства, как эбертисты и шометтисты. Кроме того, как мы в свое время увидим, робеспьеристы опасались, что недостаточно бережное обращение с католицизмом может оттолкнуть от революции широкие народные массы и именно этим в значительной мере об'ясняются многие особенности борьбы вокруг вопросов религии осенью, зимой и весной 1793 г.—1794 г.

Таковы обстоятельства, делавшие возможным для некоторой части мелкой буржуазии эпохи Великой Французской Революции перерастание борьбы с католическим духовенством в борьбу с католической религией, как таковой. Поскольку же мелкая буржуазия после 2 июня 1793 г. не только являлась гегемоном революции, но и сосредоточивала в своих руках всю полноту госу-

дарственной власти, перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией в сознании мелкой буржуазии было равносильно такому же перерастанию и в деятельности революционного правительства Франции и его отдельных органов. С какого же момента можно говорить о наличии этого перерастания?

## II.

20 сентября 1792 года Законодательное Собрание приняло декрет об изъятии актов гражданского состояния из ведения церкви и передаче таковых в руки муниципалитетов<sup>1)</sup>.

Большинство буржуазных историков рассматривают этот декрет, как мероприятие исключительно важного принципиального значения, означавшее едва ли не первый шаг по пути если и не борьбы с религией в полном смысле этого слова, то уже во всяком случае по пути сознательного стремления к отделению церкви от государства. Именно так говорит о декрете 20 сентября Олар<sup>2)</sup>, а историк гражданского законодательства Французской Революции—Саньянк, характеризуя значение этого декрета, заявляет: «Смешение светского и духовного начала было уничтожено. Средневековые исчезло. Философия торжествовала. (Курсив наш—Я. М.)<sup>3)</sup>.

Еще дальше идет Эдм Шампьон. «Это было одним из наиболее решительных ударов,—говорит он, какие были только когда-нибудь нанесены церковной власти. Он не произвел столько шума, как какоенибудь осквернение святыни или разрушение алтаря, но с того времени, как освящение церковью переставало быть необходимым для создания признаваемой государством семьи и земная санкция заменяла санкцию небесную в наиболее важных актах человеческой жизни,—церковь оказывалась лишенной своей наиболее важной привилегии. По сравнению с этим потеря ее земных благ была ничего не стоящим пустяком».

Справедлива ли такая оценка исторического значения декрета 20 сентября 1792 года? Уже в силу одного того, что было сказано выше об отношении крупной буржуазии к религии, можно заранее предположить, что декрет 20 сентября, изданный Законодательным Собранием, в котором, как известно, эта буржуазия целиком господствовала, не был и не мог быть результатом перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией. К такому же точно выводу приводит нас и изучение истории этого декрета.

После того, о чём было рассказано в предыдущих главах настоящей работы, нет надобности особенно детально останавливаться на обстоятельствах, вызвавших практическую необходимость изъятия из рук церкви ведения актов гражданского состояния, находившихся в круге ее ведения еще с до-революционных времен. Поскольку значительная часть населения Франции не желала признавать так называемого «конституционного», т.е. при-

<sup>1)</sup> Мы не приводим здесь этого декрета, так как все постановления его посят чисто технический характер.

<sup>2)</sup> А. Олар, «Церковь и государство в эпоху Великой Французской Революции», стр. 91—92.

<sup>3)</sup> Ф. Саньянк, «Гражданское законодательство Французской Революции», Москва, 1928 г., стр. 229.

сяжного, духовенства, которое одно только пользовалось правом ведения актов гражданского состояния, совершенно очевидно, что дальнейшее сохранение за церковью функции регистрации этих актов было чревато последствиями, означавшими не только ряд неудобств для сторонников неприсяжных священников, но и, что было несравненно важнее, неимоверную путаницу во всем гражданском обороте. Не говоря уже о том, что во многих местах родители новорожденных оказывались вынужденными, окрестив своих детей у неприсяжных священников, брать затем метрическое свидетельство у священников присяжных, мы уже знаем, что сплошь и рядом должности неприсяжных священников оставались долгое время незамещенными, вследствие чего во многих приходах не было вообще на лицо органов, имевших право вести акты гражданского состояния! Само собой разумеется, что вытекающие из этого неудобства были настолько велики, что местные власти должны были постараться найти какой нибудь выход из положения и поэтому нет ничего удивительного, что уже в 1791 г. некоторые коммуны департаментов Вандеи и Луары оказались вынужденными за свой страх и риск передать регистрацию актов гражданского состояния в руки муниципалитетов. А в ноябре того же года директория департамента Ардеш предписала муниципитетам завести специальные книги для записи рождений. Таким образом, является совершенно очевидным, что передача регистрации актов гражданского состояния в руки гражданских властей уже начиная с 1791 г. диктовалась чисто практическими требованиями, в силу чего для осуществления таковой во все не было необходимости быть принципиальным сторонником отделения церкви от государства.

Необходимость передачи ведения актов гражданского состояния гражданским властям была осознана еще Учредительным Собранием, которое 27 августа 1791 года декретировало, что «законодательная власть установит единый для всех без различия жителей способ констатирования рождений, браков и смертей; для записи и сохранения соответствующих актов будут назначены общественные должностные лица»<sup>1)</sup> и постановление это вошло в конституцию 1791 г. в качестве ст. 7 раздела II.

Проект предусмотренного Учредительным Собранием декрета был представлен Легислативе ее законодательным комитетом в заседаниях 15 и 20 февраля 1792 г. Выступавший от имени этого комитета Мюррер предпослав проекту декрета доклад, в котором доказывал необходимость осуществления данного Конституантой обещания.

«Население ждет и обстоятельства требуют,—говорил Мюррер,— осуществления закона, обещанного ст. 7 раздела II конституционного акта. Когда католическая религия была единственной, признаваемой во Франции и когда она одна только пользовалась правом публично оказать услуга, являлось вполне естественным обращаться к ее служителям для констатирования браков, рождений и смертей граждан, ибо во всех этих случаях при-

ходилось все равно пользоваться их услугами. Но с тех пор, как закон торжественно провозгласил столь долго требовавшуюся философией свободу всех культов, на каком основании граждане, не признающие авторитета священников в вопросах культа, должны признавать за этими самыми священниками гражданский авторитет, который им вовсе не принадлежит и который был им никогда делегирован, лишь как следствие выполнившихся ими в отношении всех граждан церковных функций?».

Наряду с этими общими соображениями, Мюррер специально подчеркивал невозможность оставления за церковью ведения актов гражданского состояния в момент, когда все население разделилось на сторонников присяжного и неприсяжного духовенства.

«Именно этот мотив, требующий скорейшего введения закона, оказал решающее влияние на решение вашего комитета. Религиозные предрассудки одних, упорная ненависть к конституции других, легковерие женщин, махинация священников,—таковы причины, вследствие которых гражданское состояние множества новорожденных не может быть констатировано, ибо не признают того или иного конституционного священика или епископа. Вашей первой заботой должно быть немедленно устраниить этот вечно возрождающийся повод волнения и беспорядков; вы должны укрепить за гражданами их наиболее ценную собственность—собственность их состояния; вы должны устраниить возможность того, чтобы они становились жертвой предрассудков или ослепления их родителей. Средства для этого находится в ваших руках: возложите на муниципалигеты функцию констатирования рождений, браков и смертей!» (Курсив наш. Я. М.).

Таким образом, доклад Мюрера с несомненностью показывает, что разрабатывая проект передачи регистрации актов гражданского состояния в руки муниципалигетов, законодательный комитет Легислативы отнюдь не исходил при этом из каких либо принципиальных соображений о необходимости отделения церкви от государства, а предлагал лишь принять меру, ставшую к этому времени практически необходимой. Что же касается до прений по проекту Мюрера, которые вследствие перегруженности Законодательного Собрания более важными занятиями, растянулись на крайне продолжительное время и закончились только 20 сентября 1792 г., то все выступавшие ораторы критиковали проект декрета исключительно в отношении его отдельных деталей, но никак не существа. Начиная с правых Лемонте и Пасторэ и кончая монтаньярами Эро-Сешеллем и Шабо,—все одинаково сходились на одобрении основных принципов проекта Мюрера, как вполне вытекающих из предписаний конституции. И то, что Законодательное Собрание, принимая свой декрет 20 сентября, и не помышляло о каких бы то ни было покушениях на прерогативы религии, особенно ясно подчеркивается тем обстоятельством, что жирондистское большинство, образовавшееся в Легислативе после 10 августа, приняло с небольшими изменениями дополнительную к проекту Мюрера статью, предложенную правым Лемонте еще 10 апреля 1792 года.

Мы уже говорили, что Лемонте вполне одобрял основные положения доклада Мюрера. Однако, говорил он,—«для того

<sup>1)</sup> Более подробно о причинах, заставивших поставить вопрос секуляризации актов гражданского состояния и о положении этого вопроса в эпоху Учредительного собрания см. А. Олар „Церковь и государство в эпоху Великой Французской Революции“, гл. III.

чтобы избежать возможности использования этой столь полезной меры злоумышленниками, было бы хорошо предпослать декрету вступительную статью. Вы не должны скрывать от себя, что именно потому, что предложенный вами закон мудр, он послужит объектом хулы; именно потому, что он благоприятен для общих интересов, он враждебен некоторым интересам частным. Наверняка станут утверждать, что закон этот подрывает основы религии. Доказать противное будет конечно легко, но ведь нужно помнить, что часто пристрастные умы не внемлют каким бы то ни было доказательствам. Поэтому я предлагаю дополнительную статью, в которой будут рассеяны все возможные недоразумения и вещи будут названы своими именами. Конечно, некоторые будут говорить, что статья эта является своего рода соглашательством в отношении предрассудков, но соглашательство это будет только словесным. И, кроме того, если оно послужит к предупреждению беспорядков, философия будет только апплицировать нашей мягкости».

Проект предложенный Лемонтэ дополнительной статьи гласил:

«Национальное Собрание, об'являя о принадлежащем всем гражданам естественном праве освящать рождения, браки и смерти церемониями их культа и участием тех священников, которых им будет угодно избрать, об'являет, что эти чисто религиозные акты ни в коем случае не могут заменить формальности, требующиеся в силу нижеследующих статей, которые одни только будут констатировать гражданское состояние граждан».

Предложение Лемонтэ встретило возражения со стороны выступившего в том же заседании Вернио, который полагал, что для устранения тех возможных недоразумений, о которых говорил Лемонтэ, нет надобности создавать специальную статью, а вполне достаточно тех прений, которые будут предшествовать принятию Легислативой проекта Мицкера. Что же касается существа утверждений Лемонтэ, то Вернио не только вполне с ними соглашался, но и признавал, что «наши заблуждающиеся сограждане не перестают вместе с тем быть нашими братьями, на которых мы обязаны воздействовать не силой, а лишь жалостью и убеждением».

В результате этих прений, принятый Законодательным Собранием 20 сентября декрет содержал следующую заключительную статью, отсутствовавшую в проекте Мицкера:

«Национальное Собрание, определив существующий отныне применяемся порядок констатирования гражданского состояния граждан, об'являет, что оно не намеревается ограничивать принадлежащего им права освящать рождения, браки и смерти церемониями того культа, к которому они принадлежат и участием служителей этого культа».

Таким образом, вся история декрета 20 сентября 1792 г. о секуляризации ведения актов гражданского состояния показывает нам, что декрет этот был ничем иным, как естественным результатом практической необходимости, создавшейся с момента раскола католической церкви на присяжную и неприсяжную. Более того, многие сторонники неприсяжной церкви были склонны рассматривать декрет 20 сентября, как свою победу, освобождавшую их от зависимости от присяжных церковников и один уже этот

факт показывает нам, сколь мало можно рассматривать декрет о секуляризации актов гражданского состояния, как результат какой то сознательной антирелигиозной политики Легислативы.

Столь же мало, как и декрет 20 сентября 1792 года о секуляризации ведения актов гражданского состояния, вытекал из желания умалить прерогативы религии и другой принятый Законодательным Собранием в тот же день декрет—о разрешении развода. Еще ст. 7 раздела II конституции 1791 года постановляла, что «закон рассматривает брак лишь как чисто гражданский договор» и логическим следствием из этого признания брака простым договором должна была явиться мысль о его расторжимости. Поэтому было вполне естественным, что при рассмотрении в заседании Легислативы 30 августа 1792 года проекта декрета об актах гражданского состояния, депутат Обер-Дюбайе предложил дополнить его специальным законом о разводе.

«Издавая закон о констатировании актов гражданского состояния,—говорил Обер-Дюбайе,—вашим намерением было возродить общественные нравы. Вы стремились обеспечить счастье французов посредством мудрого, справедливого и благодетельного закона. Согласно одного из пунктов закона, вы рассматриваете брак, как чисто гражданский договор, но вы не указываете способов, посредством которых этот договор может быть расторгнут... Мы хотим, чтобы все браки основывались на счастии, и способ достижения этой цели заключается в допущении их расторжимости. Я знаю, что нерешительные души будут восставать против этого закона. Что же, будем уважать их убеждения,—пусть они носят оковы, которые они считают нерасторжимыми. Что же до нас самих, то не будем бояться разгневать... бога, создавшего нас для счаствия. Мы не только не ослабим этим путем крепости брака, но, напротив того, увеличим ее; едва только развод будет разрешен, он станет очень редким явлением»...

Предложение Обера-Дюбайе встретило в Законодательном Собрании всеобщее одобрение и против него не раздалось ни одного возражения по существу. Собрание тут же декретировало принцип расторжимости брака; что же касается его технических деталей, то их надлежало выработать законодательному комитету, которому было предложено представить доклад по этому поводу в кратчайший срок. Доклад этот был представлен 7 сентября и после продолжавшихся в течение ряда заседаний прений по отдельным пунктам проекта, Легислатива приняла 20 сентября 1792 года декрет о разводе, мотивированная часть которого гласила:

«Национальное Собрание, приняв во внимание, насколько является важным дать всем французам возможность пользоваться правом развода, вытекающим из личной свободы, которая была бы уничтожена существованием нерасторжимых соглашений,

«принимая во внимание, что уже многие супруги, не дожидаясь установления законом способов и следствий развода, воспользовались постановлением конституции, согласно которому брак является простым гражданским договором,—

«Национальное Собрание декретирует и т. д.».

Таким образом, декрет 20 сентября 1792 года о разводе подобно декрету того же числа о секуляризации актов гражданской Французской революции и церкви.

ского состояния, ни в коем случае не может быть рассматриваем, как проявление сознательного стремления к отделению церкви от государства и уже один тот факт, что издавая этот декрет, Законодательное Собрание лишь выполняло завещание свое о предшественника, показывает сколь мало может быть в данном случае речи о каких либо принципиальных посягательствах на религию.

Но если декреты 20 сентября 1792 года о секуляризации ведения актов гражданского состояния и о разводе не могут быть рассматриваемы, как проявление сознательного стремления Законодательного Собрания к умалению значения католической религии, то не является ли может быть результатом такового декрет 18 августа о конгрегациях?

Мы видели выше, что еще Учредительное Собрание упразднило монастыри и предоставило всем монахам право либо удалиться из таковых и вернуться к светской жизни, либо дожить свой век в качестве монахов в нескольких специально для того предназначенных зданиях. Но декрет 13 фев. 1790 г. распространялся только на конгрегации черного духовенства, но отнюдь не на конгрегации духовенства белого; более того, в декрете специально указывалось, что «в настоящее время вплоть до этого специально указывалось, что «в настоящее время вплоть до иного решения, не должно быть внесено каких бы то ни было изменений в положение конгрегаций, на коих возложены функции по народному образованию, а равно и благотворительных учреждений». Само собой разумеется, что сохранившиеся таким образом конгрегации белого духовенства оказались могучим орудием в руках контр-революционных церковников и поэтому было совершенно понятным, что Законодательное Собрание через неделю после 10 августа было вынуждено окончательно ликвидировать все конгрегации, под каким бы названием они не скрывались.

Но декрет 18 августа, помимо общего постановления об окончательной ликвидации всех церковных конгрегаций, содержал три чрезвычайно важные в принципиальном отношении статьи. Это статьи 4, 9 и 10 раздела I, которые гласили:

«Ст. 4. Ни одна часть народного просвещения не будет впредь сохранена в руках благотворительных учреждений, указанных в ст. 2 (речь идет о благотворительных конгрегациях, сохранившихся вплоть до выработки новой системы общественного призыва.—Я. М.), равно как и учебных заведений, содержащихся бывшими мужскими или женскими конгрегациями, все равно белыми или черными.

«Ст. 9. Церковные и религиозные одеяния, а равно и одеяния конгрегаций белого духовенства <sup>1</sup>), упраздняются для лиц обоего пола. Однако служители всех культов смогут носить свои одеяния при отправлении ими своих обязанностей в тех окружах, где они отправляют таковые.

«Ст. 10. Нарушения этого правила будут наказываться исправительной полицией: в первый раз денежным штрафом, а в случае повторения—как преступления против общей безопасности».

<sup>1</sup> Текст был запрещен еще Учредительным

При чтении этих статей и особенно ст. 4, означавшей ничто иное, как отделение школы от церкви, может и даже должно притти в голову, что постановления эти являются результатом сознательного стремления авторов декрета 18 августа 1792 г. к отделению церкви от государства; однако, история этого декрета с несомненноностью показывает, что такое умозаключение было бы ошибочным. К этой истории мы сейчас и перейдем.

Вопрос о необходимости изъятия народного образования из рук религиозных конгрегаций был поднят в Законодательном Собрании еще осенью 1791 года по совершенно случайному поводу. 23 октября 1791 года в Легислативу явилась депутация преподавателей колледжа города Жюльи, жаловавшихся на преследование со стороны их контр-революционного церковного начальства. По этому поводу Собрание в тот же день приняло декрет, согласно коему «как духовные, так и светские члены еще не упраздненных конгрегаций, исполняющие обязанности преподавателей в колледжах, обслуживаемых означенными конгрегациями, остаются временно при исполнении своих должностей и могут быть совершенно или временно сняты с работы не иначе, как по постановлению директории департамента, принятому по согласованию с директорией дискрикта». (Курсив наш—Я. М.).

Но если этот декрет означал сам по себе лишь изъятие преподавателей церковных учебных заведений из под начальства церковной иерархии и подчинение их муниципальным властям, то значительно дальше пошел в своем предложении выступавший во время прений жирондист—епископ Фоше.

«К сделанному здесь предложению, которое я вполне поддерживаю,—заявил он,—я должен сделать одно очень важное дополнение, а именно, чтобы Национальное Собрание немедленно занялось определением судьбы этих конгрегаций, которые следуют просто закрыть». (Курсив наш—Я. М.).

Какими же соображениями мотивировал Фоше свое предложение и указывал ли он на необходимость отделить школу от церкви? Нет, мы бы тщетно стали искать в его речи даже самого малейшего намека на что либо подобное: свое предложение Фоше мотивировал только тем, что сохраненные Учредительным Собранием конгрегации пришли в состояние полного материального раз渲а.

Согласившись с Фоше, Законодательное Собрание передало его предложение на рассмотрение своего комитета по народному образованию для представления подробного доклада. Несмотря на ряд напоминаний, комитет этот медлил и лишь в заседании Легислативы 10 февраля 1792 года выступивший от имени комитета народного образования Годен представил доклад и проект декрета по вопросу о конгрегациях.

Доклад Годена столь же мало исходил из мысли о принципиальной необходимости отделения школы от церкви, как и предложение Фоше. Разница заключалась лишь в том, что в то время как Фоше исходил из моментов экономических, Годен подчеркивал политическую вредность церковных школ, служащих целям контр-революционного духовенства.

Вполне признавая пользу, принесенную просветительными конгрегациями в прошлом, Годен указывал, что положение вещей изменилось с того момента, когда духовенство раскололось на присяжное и неприсяжное. «Посреди этих внутренних распрея, для конгрегаций оказалось невозможным исполнять возложенные на них задачи». Поэтому, гласил предложенный Годеном проект декрета, «Национальное Собрание, принимая во внимание полный упадок, в который пришло преподавание в конгрегациях белого духовенства..., и в силу этого их бесполезность... постановляет, празднить ниже следующие конгрегации...».

Общие принципы доклада Годена не вызвали в Законодательном Собрании никаких споров и все выступавшие в начавшихся 6-го апреля прениях ораторы подчеркивали, что они требуют упразднения церковных конгрегаций вообще и конгрегаций просветительных в частности только потому, что считают их политически опасными. Так например, депутат Маран указывал, что конгрегации эти являются, «очагом аристократизма», и «гнусными притонами», в которых «проповедуют анти-общественность, устраивают заговоры и принимают контр-революционеров». А другой депутат, не названный в протоколе по фамилии доказывал, что «крайне необходимо упразднить эти конгрегации, вносящие в деревни и сеющие в умы детей дух аристократизма и фанатизма. Поэтому,—продолжал он,—я требую прекратить дискуссию по поводу принципа, требующего запрещения черных и белых конгрегаций».

Собрание согласилось с оратором и прения по общим принципам проекта Годена были тут же прекращены. Это позволяет нам установить, что мнения Годена и выступавших после него ораторов, были вместе с тем и мнением всей Легислативы, и что таким образом во всем собрании не оказалось ни одного человека, который бы рассматривал вопрос о просветительных конгрегациях иначе, чем под углом зрения борьбы с контр-революцией.

Приняв общий принцип проекта Годена, Законодательное Собрание в том же заседании 6-го апреля перешло к его детальному рассмотрению. Первым взял слово бургский конституционный епископ Торне, который в произнесенной им длинной речи обрушился прежде всего на мотивированную часть проекта Годена. Основным недостатком этого проекта, говорил Торне, является то, что проект это исходит не из принципиальных, а лишь из чисто практических соображений. После этого, казалось бы, можно было ожидать, что Торне будет говорить о необходимости отделения школы от церкви вне зависимости от вопроса о контр-революционной пропаганде, но оказалось, что Торне имеет в виду все не это, а лишь то, что конгрегации должны быть упразднены, так как они составляют особую форму корпораций. «Корпорации,—говорил он,—являются в политическом теле тем же, чем на теле человеческом являются нарвы». В соответствии с духом была составлена предложенная Торне мотивированная часть внесенного им проекта декрета, долженствовавшего заменить проект Годена.

Кроме этих общих соображений, Торне остановился еще на той части проекта Годена, которая гласила, что все допущенные к преподаванию лица «должны будут прекратить ношение

одеяний, напоминающих о каких бы то ни было корпорациях». Требование это, говорил Торне, слишком узко, ибо право ношения специальной одежды должно быть представлено исключительно лишь общественным должностным лицам. «Всякая частная ассоциация, которая, без разрешения закона, присваивает себе какие нибудь отличительные знаки, приводит тем самым к созданию своего рода политического раскола. ...Это является символом частного духа, отделяющегося в некоторых отношениях от общественного духа и могущего оказаться враждебным ему в ряде существенных пунктов. Каким образом можно терпеть, чтобы белое духовенство или частные конгрегации носили внешние знаки изоляции от остального общества, не признавая их тем самым какими то нартами вне этого общества? Раз конституция не признает священников, может ли она признавать священнические корпорации?».

Эта последняя часть речи Торне пришла Законодательному Собранию настолько по душе, что оно в том же заседании 6 апреля 1792 года провозгласило в принципе запрещение духовным лицам ношение какой бы то ни было профессиональной одежды вне исполнения ими своих обязанностей. Что касается остальной части проекта Торне, то она была передана в комитет народного образования для согласования с проектом Годена.

Новая редакция проекта комитета народного образования была доложена тем же Годеном в заседании Легислативы 28 апреля и после этого Собрания занялось обсуждением его отдельных статей. Обсуждение это затянулось до 18 августа и лишь в этот день Законодательное Собрание приняло декрет о конгрегациях, мотивированная часть которого почти дословно совпадает с проектом Торне:

«Законодательное Собрание,... принимая во внимание, что действительно свободное государство не должно терпеть в своей среде каких бы то ни было корпораций, не исключая и тех, которые, будучи посвящены народному образованию, принесли большую пользу отечеству и что момент, когда законодательный корпус заканчивает уничтожение религиозных корпораций, является также и тем, когда он должен навсегда упразднить все присвоенные им одеяния....., декретирует и т. д.».

Таким образом, история декрета 18 августа 1792 г., окончательно упразднившего монашество и, что еще важнее, отделившее школу от церкви, не оставляет никакого сомнения в том, что декрет этот, при всей своей огромной важности, был вызван не принципиальными соображениями о необходимости отделения церкви от государства или школы от церкви, а лишь тем, что дальнейшее сохранение просветительных функций в руках религиозных конгрегаций представляло слишком крупный козырь в руках контр-революции, чтобы можно было его и дальше терпеть. Как с полной очевидностью показывает фраза о быльих заслугах просветительных конгрегаций, Законодательному Собранию и в голову не приходило отрицать возможность сосредоточения дела народного образования в руках церкви, как таковой и лишь то обстоятельство, что значительная часть церковников оказалась в рядах контр-революции, заставил Легислативу стать на путь ее декрета 18 августа. Таким образом, история этого декрета целиком и пол-

ностью подтверждает вывод, уже полученный нами при анализе обоих декретов 20 сентября и вывод этот гласит, что в противоположность утверждениям буржуазной историографии, все три изданные после 10 августа декрета Законодательного Собрания, на первый взгляд могущие показаться результатом сознательного стремления к умалению роли католической религии, на самом деле были следствием вовсе не такого стремления, а лишь текущих политических обстоятельств, связанных с контр-революционной ролью значительной части католического духовенства.

### III.

Вывод, полученный нами при анализе истории трех важных законов по вопросам религии и церкви, изданных Законодательным Собранием после революции 10 августа 1792 года, целиком подтверждает наше утверждение о том, что в отношении к крупной буржуазии эпохи Великой Французской Революции не может быть речи о перерастании борьбы с духовенством в борьбу с религией. Как известно, даже и после 10 августа мелкобуржуазные монтаньяры оставались в Законодательном Собрании в меньшинстве и поэтому уже в рюю было бы странно ожидать со стороны крупно-буржуазного большинства Легислатавы каких либо мероприятий, вытекающих из перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией.

Но если таким образом осенние декреты 1792 года не являются результатом такого перерастания, то в чем и когда можно усмотреть его первые этапы?

Мы выяснили выше причины, в силу которых процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией должен был раньше начаться и ярче всего проявиться у тех политических течений, которые отражали интересы наименее состоятельных слоев тогдашней французской мелкой буржуазии. Именно поэтому эберовский «Отец Дюшен» еще в декабре 1790 г. говорил не только о контр-революционности церковников, но и об их мошеннических проделках, явным образом намекая при этом на различные чудеса, а «Парижские революции» около того же времени угрожали попам полной отставкой и заменой их отцами семейств, которые станут сами отправлять все обязанности культа.

Но само собой разумеется, что это были лишь первые рабочие попытки наиболее левых элементов мелкой буржуазии избавиться от веками давивших на них традиции религиозного дурмана и в этом смысле чрезвычайно характерно, что те же самые «Парижские революции» еще в начале 1791 г. с явной симпатией говорят о католической религии, как «единственно признанной государством». Лишь кровавые перипетии классовой борьбы последующих лет могли придать анти-католическим настроениям наиболее левых элементов мелкой буржуазии более или менее углубленный и, главное, массовый характер и даже летом и осенью 1792 года перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией, хотя и зашедшее уже довольно далеко в области теории, в области практики не идет у сколько-нибудь влиятельных групп и течений того времени далее требования принятия некоторых мер, означающих не столько отделение церкви от госу-

дарства, сколько простое ослабление связывавших их до этого времени уз<sup>1)</sup>.

Обращаясь к движению лета и осени 1792 г., направленному к ослаблению связи между государством и католической церковью, мы, во избежание какихлибо недоразумений, должны сразу же со всей ясностью подчеркнуть, что движение это носило как по своим целям, так и по своему классовому характеру не только неоднородный, но определенно двойственный характер. Мы видели выше, что еще начиная с 1791 г. фельяне, опасаясь полного подчинения церкви интересам зашедшей по их мнению слишком далеко революции, выставили требование отделения церкви от государства и мы знаем, что требование это нашло некоторое сочувствие также и у части жирондистов (см. напр. выступления Дюко и Жансонне во время осенних прений 1791 г., речь о которых была выше). Но с другой стороны мы знаем также, что весной 1792 г. некоторая часть мелкой буржуазии (аббат Демуа и газета «Парижские революции») выступили,—но, само собой разумеется, в силу совершенно иных оснований,—сторонниками тех же самых мер, которые предлагались и фельянями и мы таким образом имеем заранее право предполагать, что начавшееся летом 1792 года движение за ослабление связывавших католическую церковь и государство уз должно было исходить из этих обоих столь различных по своей классовой природе группировок.

Поводом этого движения явилось должностное имение место в июне 1792 г. торжество в день праздника так называемого «тела господня». До этого времени церковные праздники носили во Франции чисто официальный характер и участие в них было обязательным не только для отдельных граждан, но и для целых учреждений и даже для национальной гвардии. Более того, в праздниках этих принимали участие и оба собрания,—как Учредительное, так и Законодательное. Но 1-го июня 1792 года, то есть за несколько дней до праздника «тела господня», руководимая жирондистским мэром Петионом фельягинско-жирондистская Парижская Коммуна, то есть муниципалитет, приняла постановление нижеследующего содержания:

«Ст. 1. Ввиду того, что согласно тексту конституции, муниципальные власти не считают себя вправе прямо или косвенно облагать население налогами, так как право это является исключительной прерогативой законодательной власти, муниципалитет не может ни при каких обстоятельствах принуждать граждан украшать или драпировать фасады их жилищ; расход этот, являясь вполне добровольным, не должен ни в какой мере стеснять свободу религиозных воззрений.

«Ст. 2. Ввиду того, что граждане-солдаты становятся под ружье только для выполнения требований закона и поддержания общественной безопасности,—национальная гвардия не может быть вызвана для присутствия при обрядах какого бы то ни было вероисповедания.

«Ст. 3. Ввиду того, что общественное благосостояние и национальные интересы не позволяют приостанавливать свободы

<sup>1)</sup> Мы сознательно исключаем из поля нашего зрения некоторых одиночек типа Клоогга, анти-религиозные настроения коих носили чисто личный характер и не являлись отражением взглядов мало-мальски значительных групп населения.

торговой деятельности, граждане имеют право во всякое время заниматься торговлей и промышленностью, раз таковое право обеспечено им оплатой сборов и приобретением патентов.

«Муниципалитет вменяет в обязанность секционным полицейским комиссарам и командирам национальной гвардии следить за поддержанием общественного порядка применительно к ука-заниям настящего декрета».

В дополнение к этому постановлению, прокурор Парижской Коммуны жирондист Манюэль разослав всем 48 секциям Пари-жа следующий циркуляр:

«Пока во Франции была господствующая религия, поддер-живаемая соглашением между попами и despotами, заинтересо-ванными в продлении злоупотреблений, из которых они извлекли пользу, возможно было принудительными мерами заставить всех граждан исповедывать одинаковые религиозные истины, какими бы ошибочными они не казались. Но после торжественного провозглашения конституции—этого нового евангелия францу-зов, народным магистратам не подлежит более забывать священ-ных начал свободы...

«Недалек, несомненно, тот час, когда каждая религиозная секта, замыкаясь в пределах своих храмов, не будет уже в опре-деленные дни года запруживать улицы своими шествиями; обще-ственные пути принадлежат всем и не могут быть использованы в качестве частной собственности.

«Заботу о распространении просвещения мы должны предо-ставить здоровой философии и правильно поставленному образо-ванию; царство разума должно расти и подготовить полное уни-чтожение предрассудков, под игом которых слишком долго гну-лось человечество.

«Чиновники, назначаемые самим народом, не могут в каче-стве должностных лиц присутствовать при совершении богослу-жения какого бы то ни было исповедания, иначе они были бы вы-нуждены присутствовать на всех религиозных церемониях. В сво-бодной стране не может быть иного господствующего исповеда-ния, кроме исповедания закона».

Постановление Парижской Коммуны и циркуляр Манюэля живо затронули внимание самых различных слоев французской общественности и вызвали ряд откликов—как положительных, так и отрицательных. «Сегодня утром,—писал 6 июня Манюэлю генеральный прокурор синдик парижского департамента Реде-рер,—директории департамента и лично мне были представлены различные петиции, направленные против постановления, приня-того муниципалитетом 1 числа сего месяца касательно церемонии, имеющей быть совершенной в четверг католическим культом.

«Директория ответила петиционерам, что так как муници-пальное постановление содержит лишь бесспорные начала свобо-ды, пересмотр его был бы равносителен нарушению истинных прин-ципов.

«Лично я говорил в таком же точно духе с обратившимися ко мне после заседания директории петиционерами. На их заме-чание, что постановление затрагивает предрассудки, я ответил, что предрассудки затрагивают разум и что в данном случае разум имел в виду не диктовать свою волю предрассудкам, а лишь избежать подчинения их воле. К тому же постановление запре-

зит не выставлять изображения, а лишь принуждать к этому тех, кто их не имеют или не хотят их выставить. Кроме того, вооруженные силы не могут быть вызваны установленными вла-сиями для охраны церемоний какого бы то ни было культа, ибо в глазах гражданской власти все культуры являются равноценными. Когда мне на это заметили, что мы еще не созрели для этих истин, я ответил, что эти истины составляют сущность конститу-ции и что мы созрели для ее осуществления, раз мы ее приняли, поклялись ей и защищаем ее.

«Мне еще заметили, что это может нарушить общественное спокойствие. Но совершенно очевидно, что общественная свобода была бы нарушена, если бы граждане могли быть принуждены к украшению своих домов по случаю процессии. Что же важнее обеспечить: свободу против нарушителей или нарушителей про-тив свободы».

Таким образом, фельягинская дирекция парижского де-партамента вполне одобряла постановление Парижской Коммуны от 1 июня и это было, конечно, вполне естественно, ибо весь дух этого постановления вполне совпадал с тоном уже известных нам выступлений фельянов типа Андрэ Шенье, для которых уже с осени 1791 года отделение церкви от государства казалось наи-меньшим из возможных при данных обстоятельствах зол. Столь же положительно отнеслись к этому постановлению и жиронди-сты—так например, Бриссо в номере своей газеты «Французский патриот» от 4 июня писал: «Парижский муниципалитет принял в высокой степени мудрое и давно уже испрошенное всеми добры-ми гражданами постановление».

Но кроме фельянов и жирондистов, постановление 1 июня, в силу уже известных нам обстоятельств, вызвало полное удов-летворение и со стороны тех представителей крайне левого кры-ла мелкой буржуазии, которых процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией делал в этот момент сторо-никами ослабления связывавших католическую церковь и госу-дарство тесных уз. Так например, Эбер посвятил в номере своего «Отца Дюшена» от 9 июня постановлению 1 июня целую статью, в которой писал:

«Ах, чорт возьми, как я доволен! Читал и перечитывал ве-ликолепное предписание, касающееся процессий, подписанное Пе-тионом. Вот умно-то и хорошо сказано! И как все это прокля-тое тараканье отродье должно теперь беситься! Ведь это еще бо-лее понизит его акции. Шабаш: царство попов прошло безвоз-вратно! С каждым днем постепенно все более и более разрушаются суеверие и фанатизм, а они, чорт возьми, были самым страшным ору-жием попов. Вся тайна их влияния заключа-лась в том, что, не обладая никакой тайной, они заставляли думать, что таковая у них существоует.

«Припомните-ка, как для того, чтобы пустить пыль в глаза, они устраивали множество пышных крестных ходов, выставляя напоказ самую дерзкую роскошь. Других способов продержаться, а главное, сохранить незаконно захваченные богатства у них не было, это они твердо знали.

«Но нашелся, наконец, третий калач, по имени Вольтер, который немало способствовал тому, чтобы низвергнуть трон, воздвигнутый себе этими лицемерами, сумевшими использовать невежество и доверчивость наших добрых предков. Этот великий человек, пуская в ход то шутку, то доводы разума, первый подточил основы чудовищного здания, выдвинутые им положения незаметно прививались и подготовили наступление царства всемирной свободы, к которому мы уже близки. «Мне пришлось, однако, слышать, как старые богомолки и отявленные ханжи возмущались мудрым предписанием муниципальных властей. «Зачем препятствовать украшению домов? Испокон веков это делалось! — твердят они.

«Так-то так, отявленные остолопы! Но именно потому, что это делалось всегда, не нужно, чтобы это делалось теперь; впрочем, предписание муниципалитета и не запрещает украшать жилища, каждый волен делать, как ему заблагорассудится. Но, конечно! Никто теперь не принудит меня, протестанта, кальвинаста, еврея или магометанина, убирать фасад моего жилища, чтобы торжественно ознаменовать празднество, установленное исповеданием, которое я отвергаю.

«Продолжай ити дальше в этом направлении, дружище Манюэль, мы тебя поддержим. Дай проникнуть светильнику разума в пещеру предрассудков и выведи на чистую воду всех фанатиков. Еще одно словечко, Манюэль: как можешь ты теперь, чтобы священники, именующиеся конституционными, брали плату за похороны, крестины и брак? Разве им не платят за все это? На что же в таком случае нация отпускает 140 миллионов франков на издержки культа? Обрати на это внимание, прошу тебя, и будь бдителен: попы всегда останутся попами; одни не лучше других; дай им палец, он всю руку утянут» (Курсив наш—Я. М.)<sup>1)</sup>.

Подчеркнутые нами фразы из статьи Эбера чрезвычайно ярко показывают разницу в мотивах, заставлявших столь далекие друг от друга элементы, как фельянне и Эбер (а равно и «Парижские революции», которые также приветствовали постановление 1 июня) одобрить мероприятие Петиона и Манюэля: в то время как фельянне видели в этом мероприятии способ укрепления позиций католической церкви, Эбер, напротив того, рассматривал его как шаг по пути к разоблачению того, что он называл поповским обманом!

Но если таким образом постановление 1 июня было встречено одобрением столь далеких друг от друга групп, что фельянне и сторонники Эбера, то вместе с тем отнюдь не следует думать, что одобрение это было всеобщим. Не говоря уже о протестах спровоцированных (именно на эти протесты намекал Редерер в своем письме к Манюэлю), шедших со стороны наиболее реакционно настроенных кругов духовенства, а отчасти и крупной буржуазии, и среди левых элементов французской общественности раздавались голоса, предостерегавшие против того впечатления, которое постановление Парижской Коммуны может произвести на еще недостаточно зрелые городские и особенно сельские массы. И

личность этих голосов обяснялась не только тем обстоятельством, что, в силу уже известных нам причин, дантонистам и родственникам было значительно труднее вступить на тот путь, на который к тому времени уже успели вступить эбертисты. Вполне основательно<sup>1)</sup> опасаясь, что недостаточно бережное отношение к католической религии может оттолкнуть от революции дотоле безоговорочно шедшие за ней широкие массы, многие монтанье-ры считали постановление 1 июня преждевременным и предостерегали от связанных с ним грозных опасностей. Есть все основания предполагать, что именно такова в частности была точка зрения Робеспьера<sup>2)</sup> и что далеко не одинок был поэтом Камилл Демулен, когда он в № 3 своей газеты «Трибуна патриотов» писал: «Я боюсь, что якобинец<sup>3)</sup> Манюэль сделал крупную ошибку, добившись ограничительных мер против крестного хода в день праздника тела господня. Милый друг Манюэль, короли уже созрели (подразумевается—чтобы быть свергнутыми. Я. М.), а господь Бог—еще нет. Будь я членом муниципального комитета, я бы боролся против этой меры не с меньшим жаром, чем любой церковный староста. И именно исходя из противоположных моим соображений, наша фельянская дирекция (департамента—Я. М.) не преминула одобрить на этот раз постановление муниципалитета».

Раскол и разброд, происшедший в среде французской общественности в связи с постановлением Парижской Коммуны от 1-го июня, нашел себе отражение и в прениях, имевших место 5 июня в Законодательном Собрании по вопросу об участии Собрания в праздновании дня тела господня. Дело в том, что в предыдущие годы Учредительное Собрание принимало официальное участие в церемониях этого праздника и поэтому было вполне естественным, что и на этот раз духовенство церкви Сен-Жермен л'Оксерруа, т.е. того прихода, в пределах которого помещалась Легислатива, пригласило ее участвовать в крестном ходе. В возникших по этому вопросу прениях монтанье-Дюкенуа и жирондист епископ Фоше настаивали на том, чтобы Собрание позволило для участия в крестном ходе депутатию, причем Фоше подчеркивал, что следует уважать культ, являющийся религией большинства населения Франции. Напротив того, правый депутат Палесторе находил, что «если Национальное Собрание последует приглашению кюре Сен Жермен л'Оксерруа, нет оснований, могущих заставить его отказаться от участия в процессиях других культов. Кроме того, т.к. церковники не являются общественными чиновниками, Собрание не может присутствовать при церемониях, устраиваемых частными лицами». В конце концов Законодательное Собрание приняло компромиссную резолюцию, гласившую, что в день праздника тела господня не будет заседания, в

<sup>1)</sup> То, что эти опасения были вполне основательными, видно из того, что постановление 1 июня не дошло до сознания широких масс парижского населения и было встречено ими довольно враждебно. Ср. по этому поводу Олар, «Церковь и государство в эпоху Великой Французской Революции», стр. 67–68

<sup>2)</sup> Доказательством этого является вся последующая религиозная политика Робеспьера.

<sup>3)</sup> Как известно, ряд жирондистов и, в частности, Манюэль входили еще в это время в состав якобинского клуба.

силу чего все желающие депутаты смогут участвовать в крестном ходе.

Если уже статья Демулене и речь Дюкенуа достаточно ясно показывают нам, что значительная часть монтаньяров летом 1792 года не сочувствовала тому пути, по которому пошла Парижская Коммуна в своем постановлении 1 июня, то к тому же самому выводу приводят нас и судьба выступления дантониста Делакруа в заседании якобинского клуба 3 июня 1792 г. В этой речи Делакруа, говоря о средствах, необходимых для ведения войны, между прочим заявил:

«У нас нет больше господствующего культа; почему же еще существуют господствующие колокола и почему оплачиваются только некоторые священники? Я предлагаю отправить на национальный монетный двор как колокола, служащие лишь для того, чтобы нарушать наш покой, так и статуи все еще угрожающих нам деспотов. Уничтожьте эти символы рабства и поклонения, служащие лишь для поддержания суеверия и невежества. Замените их изображениями Руссо, Франклина, и всех вообще людей древности и современности, портреты коих способны пробудить в народе святой энтузиазм к делу свободы. Пусть их бессмертные писания воспитывают наших сограждан взамен той преисполненной предрассудков орды людей, без которой столь легко обойтись. Из бронзы поклонения и суеверия сделаем пушки, изрыгающие пламя на наших врагов»<sup>1)</sup>.

Хотя выступление Делакруа было встречено якобинцами более чем холодно, причем клуб отказал даже в напечатании его речи, холодность эта относилась не столько к существу его предложения, сколько к его мотивировке, в которой религия трактовалась как «суеверие и невежество». Поэтому неудивительно, что когда Делакруа в заседании Легислативы 14 августа возобновил свое предложение, отказавшись на этот раз от какой бы то ни было его мотивировки, судьба его оказалась совершенно иной, причем немалую роль в его принятии сыграла конечно гнетущая необходимость изыскания материалов и средств для поднятия обороноспособности страны. Поэтому, когда 14 августа Делакруа, которого поддержал также дантонист Тюрье, потребовал превращения в пушки всех находящихся в церквях изделий из бронзы, против этого предложения не было сделано ни одного возражения и оно было в тот же день принято Собранием. А 10 сентября Законодательное Собрание пошло еще дальше и декретировало передачу на монетный двор всех церковных ценностей, за исключением священных сосудов. Мотивировочная часть этого декрета гласила:

«Национальное Собрание, принимая во внимание, что золотые и серебряные предметы, изделия и инструменты, применяемые для отправления культа в сохраненных церквях, являются по существу ненужными и решительно противоречат простоте, должноствующей отличать этот культ;

«что когда родина находится в опасности, а нужды—гнущи, необходимо уловить все способы, мотивы быть целесообразно примененными без отягощения граждан;

«что все предметы, украшающие в настоящее время сохранившие церкви принадлежат, без всякого сомнения, нации, имеющей право употребить их для целей, диктуемых переживаемыми событиями,—

«постановляет и т. д.».

Декрет Законодательного Собрания 14 августа был осуществлен революционной Парижской Коммуной 17 августа уже через три дня после его издания. Вот что гласит по этому поводу протокол заседания Парижской Коммунды 17 августа 1792 года:

«Генеральный Совет, стремясь содействовать общественности благу всеми доступными ему способами, и принимая во внимание, что значительные средства для защиты отечества могут быть почерпнуты во множестве странных предметов, обязанных своим существованием лишь обману священников и легковерию народа,—

«постановляет, что все распятия, ангелы, черти, серафимы, херувимы и тему подобные предметы, сделанные из бронзы, будут употреблены на изготовление пушек. Церковные ограды послужат на изготовление пик» (Курсив наш—Я. М.).

Если подержано своему постановление Парижской Коммунды от 17 августа означало лишь применение на практике декрета Легислативы от 14 числа того же месяца, то нельзя вместе с тем не отметить и огромной разницы в тоне обоих документов. В то время как для Законодательного Собрания основным мотивом издания декрета 14 августа являлись чисто практические соображения, Парижская Коммуна, наряду с ними, подчеркивает и соображения чисто принципиальные, свидетельствующие о том, насколько далеко зашел уже к этому времени в некоторых кругах мелкой буржуазии процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией. И то, что подобный документ исходил именно от революционной Коммунды 10 августа, в которой были чрезвычайно сильны течения Эбера и Шометта, лишь еще раз подтверждает наше утверждение о том, что именно в этих течениях монтаньярской партии раньше и ярче всего проявился процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией.

Характерные особенности тона постановления Парижской Коммунды 17 августа мы находим и в постановлении, принятом ею 23 августа. Вот его текст:

«Генеральный Совет, принимая во внимание, что в минуту, когда благодаря святому восстанию справедливо выведенного из терпения народа, установилось наконец царство равенства,—это драгоценное равенство должно существовать повсюду;

«Принимая во внимание, что принятые в настоящее время при похоронах религиозные церемонии противоречат этим священным принципам, в силу чего обязанностью членов Коммунды является содействовать торжеству этого драгоценного равенства, против которого обединилось столь значительное количество врагов;

«Принимая во внимание, что в свободной стране все, порождаемые суеверием и фанатизмом взгляды должны быть разрушены и заменены чувствами здоровой философии и чистой морали;

<sup>1)</sup> «La Société des Jacobins», т. III стр. 650—651.

«Принимая во внимание, что служители католического культа, будучи оплачиваемыми нацией, не могут, не делаясь виновными в вымогательстве, требовать вознаграждения за отправление обрядов этого культа;

«Принимая во внимание, наконец, что так как богатый и бедный в течение их жизни равны в глазах закона и разума, не может существовать различия между ними и в минуту, когда они сходят в могилу,—

«Генеральный Совет, заслушав прокурора Коммуны, постановляет:

«1. Согласно ранее изданным законам, все существующие ныне внутри черты города кладбища подлежат закрытию и перенесению за пределы городских стен.

«2. Начиная со дня издания настоящего постановления, подлежат унификации все похоронные церемонии, совершаемые служителями католического культа.

«3. В похоронах не смогут участвовать свыше двух священников, не считая носильщиков гроба.

«4. Запрещаются всевозможные похоронные шествия с факелами.

«5. Так как нация оплачивает служителей католического культа, ни один из них не может ни требовать, ни получать вознаграждения за отправление похоронных или каких либо иных религиозных обрядов.

«6. Начиная со дня издания настоящего постановления, запрещается какая бы то ни было плата за трябы, даже уплачиваемая добровольно.

«7. Всякий священник, потребовавший или получивший в какой бы то ни было форме вознаграждение за крестины, свадьбы, похороны или другие обряды, потеряет свое место <sup>1)</sup>.

«8. Равным образом, со дня издания настоящего постановления, запрещаются какие бы то ни было знаки траура, будь то на дверях дома усопшего, будь то снаружи или внутри церкви.

«9. Так как общественные дороги принадлежат всем, никто не может пользоваться ими для своей личной выгоды <sup>2)</sup>. В силу этого похоронные шествия и прочие церемонии какого бы то ни было культа смогут занимать лишь одну сторону дороги; другая сторона должна оставаться совершенно свободной и открытой для движения экипажей и граждан, отправляющихся по своим делам.

«10. Из предыдущей статьи может быть сделано исключение для почестей, отдаваемых при похоронах граждан, погибших для защиты свободы.

«11. Так как конституция отменила какие бы то ни было виды прерогатив или привилегий, никто не может пользоваться особым местом в церкви...

<sup>1)</sup> Эта статья была подтверждена декретом Законодательного Собрания 7 сентября, в силу которого все оплачиваемые государством служители кульга получившие в какой бы то ни было форме плату за трябы, подлежали лишению их должностей и окладов.

<sup>2)</sup> Еще 16 августа Коммуна постановила, что она, «принимая во внимание, что свобода культов не заключается в свободе приносить вред, предписывает всем религиозным сектам, в отправлении их культов не загромождать общепринятых путей».

«12. Кюре и викории смогут при выдаче выписей требовать лишь стоимость гербового сбора».

Но если таким образом уже в августе — сентябре 1792 года Парижская Коммуна приняла ряд мероприятий, означавших значительное ослабление связывавших до тех пор государство и католическую церковь уз, причем мотивировка этих мер явным образом свидетельствовала о том, что в основе их лежал процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией,—значит ли это, что процесс этот охватил к тому времени все течения внутри монтаньярской партии? Ответом на этот вопрос может служить ожесточенная дискуссия, развернувшаяся вокруг предложения, сделанного монтаньяром Камбоном в заседании Национального Конвента 13 ноября 1792 г.

Выступая в этот день от имени финансового комитета, Камбон, между прочим, заявил ниже следующее:

«Ваш финансовый комитет, не теряющий ни одной минуты драгоценного времени и собирающийся ежедневно, обратил свое внимание на целый ряд расходов. Во вчерашнем заседании он постановил предложить вам: отменить, во-первых, налог на движимое имущество, во-вторых, налог на право торговли и, в-третьих, сократить на 40 миллионов размеры земельного налога (Шумные аплодисменты).

«Ваш комитет предвидел, что это сообщение будет принято с энтузиазмом; но ему необходимо быть расчетливым и, урезывая приход, следует сократить частично и расходы. Мы подсчитали общую сумму того, что потеряет государство после отмены этих, скажу прямо, по существу своему безнравственных налогов. Нужно обратиться поэтому к народу и напомнить ему о существовании огромного расхода, который обходится республике в 100 миллионов (новые аплодисменты). Обсуждая налоги на 1793 год, мы должны поставить перед вами вопрос: не должны ли сами верующие оплачивать расходы, связанные с их исповеданием? (Аплодисменты). Расход этот, достигающий на 1793 г. внушительной цифры в 100 миллионов, нельзя обойти молчанием, ибо народная казна не в состоянии его оплатить. Финансовому комитету прошлось бы потерять всякий стыд и совесть, чтобы испрашивать у вас кровные деньги народа на уплату функций, которые по существу своему не являются общественными. Комитет рассмотрел этот вопрос со всех точек зрения. Он поставил вопрос: что же такое Конвент? Это—избранники, получившие наказ отстаивать известные положения и заключать условия, которые общество в целом отстаивать и заключать не может. Избранники эти не должны устанавливать казенных окладов, когда их можно заменить непосредственными взносами самих заинтересованных в этом лиц. И, прия, к такому заключению, Комитет решил провести в жизнь принцип, согласно которому каждый трудящийся получает оплату за свой труд не от государства, а от тех, кто этим трудом пользуется. Если бы этот вопрос был предложен Конвенту изолированно, могли бы сказать: «финансисты всегда верны себе, они стремятся лишь сократить и урезать». Но мы обращаемся к народу со словами: мы облегчим твое податное бремя на 120 миллионов, хлебопашцы, внесшие 100 ливров налога на движимость, вы, трактирщики, платящие по 300—400 ливров

за право торговли, если вы доверяете данному священнику, правдой служившему революции, вы не будете более связаны постановлением какого бы то ни было избирательного собрания и вместо того, чтобы заплатить ему 1000 и 1500 ливров, вы заплатите три или четыре тысячи ливров (Бурные апплодисменты).

Как совершенно ясно видно из всего текста речи Камбона, его предложение, несмотря на всю его радикальность, было продиктовано соображениями отнюдь не принципиального, а чисто практическо-финансового характера. Вот почему в выступлении Камбона было бы глубоко ошибочным видеть проявление этого перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией, наличие которого мы нашли уже в осенних постановлениях Парижской Коммуны. Однако, не взирая на это, предложение Камбона вызвало столь широкий интерес со стороны всей французской общественности, что якобинский клуб уже в своих заседаниях 16—18 ноября приступил к обсуждению соответствующего вопроса, и в среде клуба нашлись как сторонники, так и ожесточенные противники проекта финансового комитета.

В заседании 16 ноября с защитой проекта Камбона выступил Шабо, причем в отличие от него он аргументировал соображения не только практически-финансового, но и чисто принципиального характера:

«Религия, издержки которой ложатся на всех граждан без исключения, есть посягательство на свободу народа, ибо одна из статей Декларации прав гласит: никто не может быть преследуем за свои убеждения, даже религиозные. Принудительная оплата религиозных расходов явно противоречит смыслу этой статьи. Необходимость участвовать в церковном обложении равносильна нарушению свободы религиозных убеждений. Французской нации пора подняться нанюю высоту. Научим народ обходиться без священников, и он сумеет обойтись без них. Обратите также внимание на то, насколько тяжел для нации налог, шедший на покрытие католического культа. Неужели нельзя иметь более экономного миросозерцания?».

Итак, если Шабо, подобно Камбону, и аргументировал соображениями финансового характера, то главной мыслью его выступления являлся все же не этот практический расчет, а то несравненно более важное положение, что если воспитывать народ в соответствии с духом, то он скоро сумеет обойтись без священников. И если подобное положение исходило из уст не эбертиста, а дангониста, каковым, как известно, являлся Шабо, то объяснения его следует искать в том, что этот бывший капуцин, вообще, как известно, неоднократно пытался заигрывать с эбертистами и даже «бешеными», вследствие чего его выступление 16-го ноября следует рассматривать, как чисто демагогическое.

Еще более демагогическим было выступление Манюэля, в защиту предложений Камбона зачитавшего якобинской клубу адрес, представленный Конвенту народным обществом коммуны Суттеррен (департамента Крезы). Вот отрывок из этого адреса:

«Мы аккуратно выплачиваем налоги, но делаем это с целью обеспечить наше существование. Но до каких же пор придется еще кормить жреческую клику, нетерпимость и испорченность которой засвидетельствованы каждой страницей истории? Духовенство приижено, но еще не раздавлено. Трепещите, как бы

однявшись, оно не начало действовать с прежним ожесточением. Священник—всегда священник; однако это недопустимо, он должен быть гражданином и ничем более.

«Поспешите же вырвать из законов возрожденной Франции рабданскую конституцию, увековечивающую дух фанатизма и нетерпимости,—конституцию, дающую священникам право думать, что они люди иной, высшей породы, нежели все остальные французы. Духовенству дается юрисдикция, ему отводятся окресты, в его ведение предоставляются приходы: как же ему не стать нетерпимым? У нас своя совесть, свой разум, своя религия; мы не хотим руководствоваться ни совестью, ни разумом, ни религией духовенства.

«Возможно ли, вообще говоря, терпеть религию, которая по самому существу своему не герпима? Мы убеждены, что та конституция, которую вы предложите французам, даст на этот вопрос отрицательный ответ. Но пока пусть все, исповедующие таинства веры, сами оплачивают католических священников. Дайте им это разрешение, оно никому не грозит никакой опасностью. Но соблюдайте условие: пусть платят одни только верующие; справедливо, чтобы каждый оплачивал свои собственные удовольствия. Таковых, к счастью, окажется немного. Когда же священник, подобно торговцу, будет получать плату непосредственно от самого потребителя, вряд ли найдется много дураков, которые захотят пользоваться этим видом товара. Не явная ли бессмыслица, в самом деле, чтобы просвещенные и свободные граждане Франции платили людям, моральный кодекс которых разрушителен для духа общественности? Ибо великие добродетели католицизма сводятся к посту, власянице, слепому поклонению и дисциплине (Курсив наш—Я. М.).

Нет никакого сомнения в том, что адрес народного общества коммуны Суттеррен свидетельствует о том же самом процессе перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией, наличие которого мы видели и в деятельности Парижской Коммуны. И если Манюэль, который хотя по своим личным взглядам и был повидиму близок к атеизму, но который вместе с тем принадлежал к общественным слоям, по своим классовым интересам отнюдь не желавшим той борьбы с католической религией, на которой настаивали авторы адреса, тем не менее опирался на таковой, то объяснения этого следует искать лишь в стремлении умеренных элементов французской общественности поддержать проект Камбона, способный по их мнению, укрепить положение церкви<sup>1)</sup>. Но помимо явно демагогического таким образом характера выступления Манюэля, возник и другой вопрос: было ли высказанное авторами адреса коммуны Суттеррен пожелание общим правилом или лишь исключением и были ли широкие массы городской и особенно крестьянской Франции готовы не только к ливидации католицизма, но и к простому отделению церкви от государства? В этом и ни в чем ином заключалась вся суть воп-

<sup>1)</sup> В этом смысле характерно, что проект Камбона был одобрен жирондистом Бриссо в номере его газеты «Французский патриот» от 14 ноября. Подробнее отзыв Бриссо см. Жорес, цит. соч., стр. 179—180.

Великая Французская революция и церковь.

роса и поэтому неудивительно, что все возражения, сделанные в якобинском клубе Шабо и Манюэлю шли именно по этой линии.

Эта характерная черта всех выступлений противников проекта Камбона проявилась уже в речи первого из выступавших в этом смысле 16 ноября ораторов — дантониста Базира. «Я буду возражать предшествующему оратору (речь идет о члене клуба, обозначенном в протоколе буквой С, предложившем поддержать проект Камбона. Я. М.), — говорил Базир. Если бы я не знал честоты его намерений, я принял бы его за аристократа<sup>1)</sup>. Сам я далеко не правоверный католик, но полагаю, что **означенный проект станет источником новых с у т**. Рассмотрим прежде всего вопрос с политической точки зрения. Обратите ваше внимание на многочисленную толпу монахов и монахинь: на что они будут жить? Мирабо сказал как то, что он знает три способа добывать себе средства к существованию: быть собственником, получать заработную плату или воровать. Но, скажут нам, ведь они в состоянии работать. Какую же работу могут они выполнять? У них нет образования, которое обеспечило бы им возможность прокормить себя. Комитету не мешает сделать хотя бы один правильный с политической стороны вывод. У кого хватит смелости приветствовать декрет, создающий триста тысяч разбойников в течение одного дня? С другой стороны, примите во внимание, что народ еще привязан к религии. Провести проект финансового комитета в жизнь значит вызвать новые вспышки фанатизма. И как сумеете вы внушить какой нибудь древней старухе, что **религию не отменили, отменивши оплату государством связанных с ней расходов?** Бедственное состояние, в котором будут находиться священники, подскажет им, как легче всего использовать народное невежество; они создадут легенду о том, что граждане одержимы бесом и легенде этой поверят. Кто возьмется учесть количество крови, которое будет пролито при проведении в жизнь этого декрета? Еще раз повторяю: проект декрета плох и останется плохим до тех пор, пока не пересмрут все старухи». (Курсив наш. Я. М.). В заседании якобинского клуба 17 ноября краткую, но чрезвычайно сильную речь произнес Александр Куртуа:

«Проект Камбона, с моей точки зрения, приведет лишь к смятению в умах и беспорядкам и департаментах и заставить нацию совершить несправедливость по отношению к провозвестникам добра, мученикам закона, к жертвам аристократов. Верьте, термометр общественного мнения в департаментах стоит на ином уровне, чем в Париже; религиозные убеждения там священны и с нашей стороны будет неосторожностью, а быть может даже и несправедливостью, нарушать их. Есть предрассудки, на которые нельзя нападать насоком; с ними следует бороться оружием просвещения, но просвещение должно уподобиться **мягкому свету, безвредному для слабых глаз**».

В таком же, примерно, духе рассуждал и Леруа из Алансона: «Не всегда безопасно пытаться применять, не считаясь с обстоятельствами, смелые выкладки философии. Я вполне согласен, в принципе, что каждая секта должна самостоятельно оплачивать своих священнослужителей, но народ еще слишком темен, чтобы принять эту меру. Вам неизвестно то влияние, которым пользуются священники в деревнях, а отчасти и в городах. Если вы откажете священникам в жаловании, которое нация торжественно обещала им платить, вы увидете, как дикие толпы церковников ринутся против нарождающейся республики, и, быть может, задушат ее в самой колыбели. Вы увидите, как они всюду будут разжигать гражданскую войну и отнимут у Конвента то доверие, которым он был облечены. Не думайте, чтобы было также легко осилить этих Катилин с тонзурой на голове, как священников, не принесших присяги конституции. Священники, примкнувшие к так называемому конституционному духовенству, многочисленны и сильны; они смогут, без труда, расколоть французский народ и погубить свободу. Отчего не избрать по отношению к священникам того способа действий, который применяется к диким зверям, грозящим растерзать нас: чтобы умерить их бешенство, им кидают кусок хлеба. Итак, чтобы священники не бросились на нас, отвлечем их жадность, дадим им хлеба и они тогда успокоятся. Благополучие — вот бог, которому они покланяются. Они станут патриотами; священник, у которого есть кусок в запасе, делается менее опасным. И к какое время предлагается подобное противное здравой политике мероприятие? В то самое время, когда нация должна приступить к суду над великим преступником (т. е. Людовиком XVI — Я. М.).

Таким образом, все критики проекта Камбона сходились на том, что считали, что широкие массы населения еще не созрели для отделения церкви от государства, вследствие чего подобная мера могла бы вызвать беспорядки, для провокаций которых духовенство, ради спасения своего положения, использует конечно весь еще значительный авторитет.

И нельзя не отметить, что подобная точка зрения целиком подтверждалась фактами. Так, когда в заседании Конвента 30 ноября жирондистские депутаты Лекуантр-Пюираво и Бирото и монтанье Мор докладывали о голодных беспорядках, имевших место в департаменте Эр-и-Луары, куда они были командированы, то они при этом подчеркивали, что наряду с голодом, одной из причин движения были также слухи о проекте Конвента. Ловко использовав недовольство населения продовольственной политикой Конвента, местное духовенство сумело внушить ему мысль, что вопросы о тяжасии продуктов и об оплате государством священников составляют ничто иное, как два звена одной и той же цепи. Поэтому наряду с требованиями максимума, в окружающей депутатов толпе раздавалось и требование сохранения католического культа, который Конвент якобы собирает упразднить.

Но, — может заметить читатель, — если подобные вещи могли иметь место в провинции, то может быть в Париже ши-

<sup>1)</sup> Совершенно в аналогичном духе говорил и левый якобинец Шаль, рассматривавший проект Камбона «как ловушку, подстроенную нам аристократиями».

рокие массы были более подготовлены к восприятию предложе-  
ния Камбона? Ответом на этот вопрос может послужить ин-  
цидент с рождественской заутреней 1792 г.

Парижская Коммуна, оставаясь верной своей политике, столь ярко демонстрированной в ее постановлении 23 августа, в своем заседании 23 декабря, ссылаясь на интересы общественного порядка, постановила отменить рождественскую заутреню, начинавшуюся в полночь. Результатом этого явились события, изложеные которых мы находим в следующей статье «Парижских революций».

«Принимая во внимание обстоятельства, муниципальные власти Парижа сочли своим долгом напомнить о законе, запрещающем ночные сборища, и предписали закрыть церкви в ночь, называемую рождественской. Люди благодушно настроенные, считали эту предосторожность излишней. Кто, в самом деле, станет думать о том, что в 1799 году в Париже будет служиться заутреня? Но королевские приспешники умеют использовать всякое оружие. Они расходятся по секциям. Секция Арсенала отправляет в Коммуну депутата, который опровергает ее предписание и восклицает: Борцы 10 августа хотят ити к заутрене. В ответ лишь пожали плечами; никому не было известно, что пред дверями некоторых церквей образовались скопления народа, что во главе их находились люди, которые обыкновенно не ходят к заутрене, с карманами, набитыми золотом, обвесанные брелками; королевские прихвостни, вздыхающие по Варфоломеевской ночи для патриотов, как правильно отметил прокурор Коммуны. И, действительно, как раз в это время в приходе Сен-Жермен стали звонить в колокол, в тот самый, в который по приказу первой из наших Медичей, зазвонили в этот же час, подавая сигнал к избиению протестантов, врагов двора, находившихся на подозрении у Карла IX. Вели агитацию среди женщин и санкюловетов Сен-Морса; угрожали артиллерийскому парку на площади Федерации. В церквях Сен Жак Ла-Бушери и де-л'Опиталь, С.-Эсташ, С.-Мэри, С.-Жерье, муниципальные должностные лица подвергались оскорблению и заутреня была отслужена в их присутствии как-бы для того, чтобы посмеяться над ними и надругаться на законом.

«Секция Прав человека явилась в Коммуну с обещанием, что предписание ее будетуважено. Секция Лувра, наоборот, потребовала отмены приказа. В церквях Сен-Лоран, Сен-Виктор, Сен-Медар, Сен-Марсель и в английском монастыре заутреня была отслужена демонстративно, не взирая на присутствие властей. Большинство священников, дабы избежать законного воздействия, сделало вид, что они должны были уступить насилию со стороны паствы».

Но если, таким образом, большинство якобинцев были совершенно правы, когда они предостерегали от грозных политических опасностей, связанных с осуществлением проекта Камбона, то значит ли это, что это соображение было единственным, заставлявшим их противиться планам финансового комитета Конвента? Отнюдь нет. Нам уже приходилось указывать, в силу каких обстоятельств то перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией, которое к этому времени уже в очень значительной степени захватило эбертистов и близкие к ним эле-

менты, могло лишь в несравненно более слабой степени сказать-  
ся на дантонистах и робеспьеристах. И речь, произнесенная Дан-  
тоном в заседании Национального Конвента 30 ноября 1792 года,  
а равно и большая статья, около этого же времени напечатанная  
Робеспьером в № 8 его «Писем к его избирателям», с несомнен-  
ностью показывают, что соображения этого рода играли для  
большинства монтаньяров, возражавших против проекта Камбо-  
на, отнюдь не меньшую роль, чем опасения насчет возможности  
использования этого проекта в целях контр-революционной про-  
pagанды.

Нам уже приходилось касаться отчета, сделанного 30 но-  
ября Лекуантром-Плюраво, Бирото и Мором об их миссии в де-  
partаменте Эр-и-Луар. И вот, рассказывая об имевших место в  
этом департаменте народных сборищ, проходивших под лозун-  
гом таксации продуктов, Бирото продолжал:

«Среди этих сборищ находились много кюре и других свя-  
щенников. Они с особенным ожесточением выступали против  
нас и часто брали слово от имени народа. При этом выставлялись  
все принципы аграрного закона <sup>1)</sup>). Говорили, что буржуа доста-  
точно долго пользовались всеми благами жизни и что теперь на-  
стала очередь бедных рабочих. К этому добавляли, что они хо-  
тят сохранения своих священников и своих церквей и что скоро  
они будут \*составлять законы».

Итак, жирондист, т. е. представитель крупной буржуазии,  
Бирото опасался, что испуганные проектом Камбона священники  
станут из демагогических соображений поддерживать анти-ка-  
питалистические стремления рабочей и крестьянской бедноты и  
возглавлять не только ее борьбу за максимум, но и вообще ее  
борьбу против крупной буржуазии. Что же ответили на это пред-  
ставители относительно состоятельных слоев мелкой буржуазии,  
т. е. робеспьеристы и дантонисты?

Почти немедленно после доклада Бирото и его коллег, на  
трибуну поднялся Дантон, произнесший большую речь, главней-  
шие места из которой мы приводим полностью:

«Слишком спешное применение к жизни философских  
принципов, которые мне лично очень дороги, но для восприятия  
которых народ и, главным образом, жители деревень, недостаточ-  
но созрели, может потрясти всю Францию...

«...Народ обманут — вы должны открыть ему глаза. Народ  
вспомнил о предложении Камбона, искусно комментированном  
вероломством, фанатизмом и злонамеренностью. Проект этот ос-  
новывался на том, что священники не должны оплачиваться госу-  
дарством и казнью. Он был мотивирован дорогими для меня фи-  
лософскими идеями, ибо я не знаю иного блага кроме блага всего  
мира и другого культа, кроме культа справедливости и свободы.  
Но человек, обиженный судьбой, ищет удовлет-  
ворения в мимолетных утешениях. При виде  
богатого, удовлетворяющего свои желания  
и повторяющего всем своим прихотям, в то-  
же самое время как он должен ограничить  
свои потребности самым необходимым, бед-  
няк ищет утешения в вере. Он верит в то, что

<sup>1)</sup> В эпоху Великой Французской Революции под «агарным законом» подразумевали всякое предложение, направленное к переделу земли.